

ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

АЛЬМАНАХ

Нижний Новгород
2015

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

(Нижний Новгород)

Стихи из романа «Грех»

ИНЫМИ СЛОВАМИ...

По верховьям деревьев бьёт крыльями влага,
наклоняет лицо задышавшая зелень,
соловеев слегка чернота мокрых ягод,
их дожди укачали в своей колыбели.

В отраженье меж век распросоньем расколотых,
был туман, и земля, и сырая смородина,
и трава под ногами, рябая от холода,
приласкались ко мне, притворяясь, что – Родина.

и на невольничьем рынке Древнего Рима
где пахнет так что порой тошнит
на шумном и диком рынке
сын патриция
взбалмошный и самолюбивый
брожу с мальчиком-служкой

и ты там в толпе рабынь на продажу
грязная и злая
оборачиваешься и закрываешь глаза
но я же видел тебя и спустя две тысячи лет –
я узнал тебя сразу

и купленная мной
ты единственная кто имеет право
входить ко мне по утрам
когда я ещё сплю

ты приносишь мне ягоды и соки
а из всех мыслимых на земле огорчений
меня мучает только одно
когда вишнёвая косточка
попадает на передние зубы

Если в электричке
сидя друг напротив друга
мы прижимаемся к обмороженному стеклу щеками
и
постараемся соединить губы
то на стекле остаётся бабочка
а
на наших щеках рисунок пальцев всех
желавших узнать куда едем

звук колокольчика
запах цветов
ты
в одиночестве танцующая вальс
на холме
твои ножки так соблазнительны
самый светлый сон мне приснился
в трясущемся грузовике
где я затерялся среди трупов людей
расстрелянных вместе со мною

НИКОЛАЙ ПЧЕЛИН

(Нижегородская область, город Богородск)

МОЛИТВА

Мы в думах о земле, не космосе.
Господи!
Не в обрамленье чистых рос пути.
Господи!
Живём-жуём, как будто в хосписе.
Господи!
Молитвы нет, и малый пост претит.
Господи!
На паперть нищим, жирный босс, иди...
Господи!
От звезд-свечей на землю, воск, пади.
Господи!

Пускай тебя пасет хоть и «Ми-6»,
К тебе несутся янки на мустангах.
Пусть ты для террористов всех мишень –
Спасёт лишь ангел.
Пусть на тебя спустили всех собак,
Прессует тьма наемников бессонных,
Пусть точит зубы гадкий вурдалак –
Спасёт лишь совесть.
Публично пусть обгадит «юморист» –
Не бойся, не проси и чушь не слушай.

А главное, ты Богу помолись,
Спасая душу.

Блуждая по Великому оврагу
В такую несусветную жару,
Мы думали про дождевую влагу,
Про ветерок прохладный на юру.
Грибы искали: белые и грузди,
Корзинки на добычу наострив.
Витал в ветвях калёный запах грусти.
И были ощущения остры.
Вдруг кто-то вспомнил: не было зелёных
Деревьев здесь в далекие века.
Тогда в объятых двух надежных склонов
Текла, журча, Великая река.
Она была спокойно-многоводной,
Не поднимала дна глухую муть.
Она бывала даже судоходной,
И храмы освещали стругов путь.
И сразу будто холодком пахнуло,
И легче стало путникам вдвойне.
Возникли отзвук мельничного гула
И весел плеск на медленной волне.
А, может, просто мы другими стали,
Минувшего коснувшись лишь слегка?
Увидели разбег великих далей?
Великий враг – Великая река.

АЛЁНА МАЛИНОВСКИХ

(город Петербург)

В КОНЦЕ ДНЯ

Сегодня день разорванных улыбок,
тумана, наспех шитого лучами,
усталых, бледных и голодных чаек,
что жадно ищут полумёртвых рыбок.

Рассвет контрастен был, почти озлоблен.
Закат горит, в кострище запад плавя.
Весь город отражает это пламя,
хоть проводами на куски раздроблен.

Под вечер темнота упала гнётом,
остатки жизни придавив надменно.
Клубок змеиный тёмных улиц мерно
шипит, разыгрывая ночь по нотам.

НОВОЕ ИМЯ

За тёмными окнами будней унынье,
а в кружке на кухне опять стынет чай.
Разбить на кусочки звонящий мобильный –
так хочется просто сидеть и молчать.

Расставить по полкам события, сюжеты,
размазать остатки ненужных обид.
Потом написать отрешённо об этом –
бумага всё стерпит и всё сохранит.

Быть может, между словами глухими,
застывшими льдинками на языке,
я подарю себе новое имя,
мелькнувшее бликом в случайной строке.

* * *

Под звуки городского шума
меня съедает синее пальто.
Замёрзли руки, не согрел никто,
в карманы их кладу бездумно.

Порывы ветра отбирают шарф.
На светофоре возле перекрёстка
в поток толпы вливаешься неброско,
разглядывая призрачный ландшафт.

Оттенки серого гоняют фонари.
Осенний сумрак, как побитый пёс,
суёт за пазуху свой мокрый нос,
навязчив слишком, что ни говори.

Все мысли выются около тепла
с горячим чаем в комнате пустой.
Но в центре города слилась с толпой
Среди людей, которым нет числа.

* * *

В подсвеченных окнах чьи-то жизни идут по кругу.
А я шуршу страницей с ненужным текстом,
и в этом городе порой становится слишком тесно.
Настолько, что чуешь на горле чужую руку.

ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА КИБИРЕВА

(Нижний Новгород)

МАТЕРИНСКИЕ СУДЬБЫ

70-летию Победы посвящается

Знакомство подруг-фронтовичек произошло в конце мая 1943 года на пункте формирования полевой кухни для фронта. В небольшой текстильный городок Владимирской области прибыли девушки по направлению военкоматов. Полевую кухню укомплектовывали оборудованием, средствами механизации; обучали пользованию этим оборудованием и давали разные инструктажи по пекарскому делу. Из всех прибывших в этот пункт, остались связанные друг с другом на долгие годы три девушки.

Рая прибыла из Канаковского военкома Калининской области. Ей только в начале мая исполнилось восемнадцать лет, а тут неожиданно принесли повестку из военкомата: срочно явиться на призывной пункт, который был у них в Орше. Дежурный офицер так и сказал: «Звонили из Канакова, срочно требуют молодую девушку для полевой кухни. Сутки тебе на сборы. Вот тебе документы, предписание. Завтра на пристань к восьми ноль-ноль чтобы прибыла как штык. Ясно?» Вторая из подруг Антонина – Тося была из Подмосковья. Третья – Татьяна, или, как она назвалась, Тася, жила в этом городе и работала в хлебопекарне, на фронт попросилась сама. Им обеим в ту пору пошел двадцать третий год. Полевая кухня формировалась для танковой бригады под командованием генерала П. Рыбалко для отправки их на Украинский фронт. По прибытии в войсковую часть Тася и Тося стали работать

в пекарне, выпекали хлеб. Рае, как самой молодой, поручили более лёгкую работу – охрану пахучих буханок. Каждый день находилась она положенное время с винтовкой на посту. Рая не помнит случая, чтобы хлеб кто-то воровал, но так было положено по уставу – охранять. С ними в пекарне служил ефрейтор Петр – родом из донских казаков, который сдружился с этими молодыми девушками. На фронте молодые бойцы в свободное время, когда не рвались рядом снаряды, когда было время отдохнуть, собирались и пели под баян, делились своими воспоминаниями о прошлом.

Рая чувствовала в их компании себя скованно, она тосковала по своей деревне, дому. А ежедневный караул хлебопекарни прямо-таки тянул к воспоминаниям. И она часто возвращалась мыслями в прошлое...

В тылу

Когда началась война, Рае исполнилось шестнадцать лет, она закончила как раз восемь классов. Летом, во время каникул, всю молодежь, а также женщин и подростков из близлежащих деревень, в том числе и её, направляли на нужные для фронта работы – на строительство аэродрома для боевых самолетов около Канакова – на бывшем большом кладбище. Там надо было расчищать землю, убирая памятники, выравнивать местность. За Раей закрепили коня с телегой из их сельсовета, поэтому она возила памятники, которые ей нагружали в телегу. Когда-то этот конь, по кличке Мальчик, был собственностью их семьи и любимцем. С братом Шуркой до того, как конь стал колхозным, они водили его на водопой, чистили, расчесывали гриву и подкармливали сухарями, печеной картошкой. А когда возвращались домой, брат помогал ей взбираться на коня, а сам потом вел Мальчика под уздцы...

Как-то разбирали одну могилу (видно захоронение на ней было недавнее) так как на кресте висел венок из хвойных веток с вплетенными туда бумажными цветами. Не захотелось

выбрасывать эту красоту вместе со всем хламом, который вывозили и сваливали в траншею. Оставила Рая этот веночек и вечером на телеге привезла домой, повесила на калитку. Отец поздно приехал домой, но, когда увидел этот трофей на калитке, догадался, откуда он привезен, и сурово сказал дочери: «На Руси плохая примета, что-то уносить с кладбища». Эти его слова очень запали Рае в сознание.

Отец Раисы – Василий Куликов до женитьбы десять лет воевал: сначала на Империалистической войне, затем участвовал в Гражданской. Для тех времен был довольно грамотный; на войне служил писарем, затем перешел на сторону большевиков и вступил в ВКП(б). Приехав после войны на родину, стал председателем сельсовета. Он весь был в работе с утра до позднего вечера. Колхоз большой, а деревня, где они жили, находилась в двенадцати километрах от сельсовета, в селе Рождествено, где были больница, школа, клуб. С детьми отец виделся нечасто, уезжал из дома рано, а возвращался, когда дети уже спали, но при случае любимой дочери говорил: «Учись хорошо, чтоб я тобой гордился». Хотел, чтобы она обязательно окончила десятилетку. Рая училась на отлично, но выполнить наказ отца не смогла: помешала война. В начале войны Василию Куликову было пятьдесят шесть лет. Когда немцы заняли правобережную часть Калинина, начали создаваться партизанские отряды, и его направили начальником продовольственного снабжения в один из них.

Такие разные

Особой дружбы у Раисы с Тасей и Тосей не было. Слишком разные они были по характеру, по возрасту и по жизненному опыту. Тася и Тося росли в городах, успели поработать на производстве. Умели по-щегоольски одеться даже в условиях фронта: как-то по-особому носить берет или пилотку; юбки были подогнаны по фигуре; находилась у них и нехитрая косметика. Особенно умением расположить к себе отличалась Тася. Внешность у нее была неброская: небольшого

роста, крепкого телосложения, круглолицая, с толстоватым носом, тонкими губами и веснушками. Глаза светло-карие, глубоко посаженные, но взгляд цепкий, чаще с хитринкой. Природа ее наградила красивыми рыжими кудрями, которые спадали крупными кольцами. А еще очень важное, что у нее было – это голос. Речь была правильно поставлена, но еще лучше Тася пела, зная наизусть много песен, популярных в те года, особенно из репертуара любимой ее певицы Лидии Руслановой. На всех фронтовых посиделках Тася была запевалой. Воспитывалась Тася в большой трудовой семье, девушка закончила семилетку в 1935 году, продолжила учёбу в ФЗО при ткацкой фабрике. А куда еще идти в маленьком ткацком городишке? Все местные девчата проходили этот путь. По окончании ФЗО девушка встала к ткацкому станку. Работать она умела, с людьми ладила, а по вечерам ходила на танцы (под духовой оркестр), занималась в хоре и драмкружке при городском клубе.

Тасе очень хотелось красиво, модно одеваться, это было ее мечтой. В те годы одеться более-менее прилично было очень трудно, негде было купить нужной ткани, симпатичной обуви. Местные портнихи, в основном, шили наряды для женщин и детей из ситца, бязи, шотландки, которую выпускала местная фабрика. Женщины, с которыми Тася работала на фабрике, несмотря на строгий проходной режим, находили способы выносить ткань. Решилась пронести ткань и Тася: дурной пример, говорят, заразителен. Обернула кусок материи вокруг себя, натянула платье, затем пальто, но ей не повезло, в проходной задержали, прощупали и велели раздеться. В результате составили протокол о хищении, было заведено уголовное дело. Состоялся суд. Она была осуждена и заключена в местную тюрьму.

О смягчении наказания для Татьяны хлопотала ее мама. Она надела свой орден «Мать – героиня» (у них в семье было девять детей, все мальчики, Тася – единственная дочь) и пошла в прокуратуру. Там приняли во внимание семейное положение, молодость девушки, ее положительные характери-

ки с работы – и Тасе заменили меру наказания, её отправили на финский фронт. В дальнейшем она никогда не рассказывала, где служила, что ей приходилось выполнять, но иногда проговаривалась, что там были страшные морозы, плохое обмундирование и постоянно хотелось есть. Для девятнадцатилетней девушки даже с боевым характером финский фронт представился суровым испытанием. Зато это ей помогло преодолевать трудности в последующие военные годы. Когда окончилась финская компания, Тасю отпустили домой. Прибыв в родной город, она отправилась работать в пекарню, где трудился ее отец – Константин Францевич по национальности поляк. Он попал в эту местность еще в Первую мировую войну, бежав из Польши. В девятнадцатилетнем возрасте Константин Францевич стал инвалидом (ступня одной ноги у него попала в жатку) и он после этого остался хромым. Кроме этого он потерял в 1915 году на реке Березине, при обстреле беженцев, всех своих родных. Константин Францевич на новом месте женился на вдове с четырьмя детьми. К 1940 году у них было ещё пятеро совместных детей. В Великую Отечественную из семьи друг за другом ушли воевать по разным фронтам пять сыновей – Тасиных братьев. В доме остались женщины, дети и отец-инвалид. Тася проработала в пекарне до весны 1943 года, а когда формировалась полевая кухня на базе городской пекарни, она попросилась в военкомате, чтобы ее направили на фронт.

Под залпы «Катюш»

К началу лета 1943 года, укреплялись позиции Юго-Западного фронта, намечалось наступление под Курском. Вот сюда-то девушки и попали со своей танковой бригадой и оказались участниками боёв на Курской дуге. Сражение на Курской дуге началось в первых числах июля. Сначала, по их воспоминаниям, было какое-то затишье, затем ночью начался страшный ад. За короткое время они увидели столь-

ко стрельбы, огня, что трудно было разобраться, кто и с какой стороны выпускает снаряды. Там они впервые увидели стрельбу с нашей стороны по немцам из «Катюш». Рассказывали, что потеря наших солдат, техники было очень много, но наступление после этого сражения началось быстрыми темпами. К концу лета с боями они дошли до Украины, начали двигаться к Днепру, выбивая немцев из хуторов, станиц. Однажды, а это было уже осенью, Рая искупалась в речке, протекающей где-то недалеко от Ровно. Она была девушкой физически здоровой, закаленной, хорошо плавала, но все же сильно заболела малярией. Как потом оказалось, речка была зараженной. Пролечилась она в госпитале целый месяц.

В это время под Ровно формировалась 351 стрелковая трижды Краснознаменная Шепетовская дивизия и укомплектовывался штаб этой дивизии. В штаб требовалась машинистка. В госпиталь, где лежала Рая, пришли из штаба и провели испытания среди девушек, готовых по состоянию здоровья к выписке. Печатать она умела, так как отец ее иногда привлекал к печатанию различных документов в сельсовете, когда она училась в старших классах. За грамотность тоже не переживала. По русскому языку имела в школе отличные отметки. Испытания Рая прошла успешно, и ее перевели в штаб 351 стрелковой дивизии. До конца пребывания на фронте она служила в этом штабе, который всегда был на переднем крае.

Прибытие новой машинистки в штабе ждали, особенно рядовой Николай. Это был молодой девятнадцати лет боец, которому надоело выполнять девичью работу – печатать, не терпелось ему быть в боевых действиях. Появилась у Раи новая подруга в штабе – Тоня, родом из Подмосковского Большова – стройная, высокая девушка с косичками. Не теряла Раиса связи и с бывшими подругами из танковой бригады – получила она весточку от Тоси. Та сообщила ей, что Татьяна перешла из пекарни в санроту и выносит раненых из боя танкистов, а Петр тоже перешел в другое подразделение.

Первая любовь

В штабе отношения между служившими офицерами и девушками были дружескими и одновременно, как я думаю, корректными. Жили они, как водится, в землянках, когда входили в селенья, оставались в домах, в покинутых усадьбах. Иногда в минуты затишья занимались обыденными делами: писали письма, читали, пели, смеялись, старались не думать о том, что может с ними случиться завтра. В штабе Рая встретилась со своей первой любовью с Аскарком, как его все звали друзья-фронтовики неофициально. Аскар отвечал за связь, имея высокую должность и звание, в свободное время он тянулся к общению. Внешность у Аскара была очень яркая: поджарый, смуглый, черноглазый кавказец. Он был на много старше Раи. Аскар имел большой боевой опыт, воевал на других фронтах, был награжден орденами. Рае нравилась интеллигентность Аскара, выдержка и, конечно, трогательная забота о ней. Девушка влюбилась.

Встречи были редки: суровая военная обстановка не давала возможности часто встречаться, но иногда находилось время, и Аскар рассказывал Рае о Кавказе, об обычаях адыгов, о своей маме и братьях. В их судьбах было много общего: оба родом из крестьян, их отцы устанавливали Советскую власть в своих селах, аулах, создавали колхозы. У Аскара отец был убит еще в двадцатых годах. В начале 1944 года Раиса узнала, что ее отец погиб. Письмо из дома прислала сестра, она сообщила, что получила похоронку, где написано: «Василий Павлович Куликов – партизан, исполняя свой служебный долг, был зверски убит фашистами». Намного позднее, уже придя с фронта, Рая узнала, что отца и его помощницу Зину нашли повешенными в лесу партизаны, пришедшие с задания в лагерь. А тогда на фронте, получив весть о смерти отца, Рая как-то замкнулась, сразу будто повзрослела, война показала ей еще раз свое злое лицо. Пришли мысли о том, что и с ней может что-нибудь случиться не сегодня-завтра. И ее пробил озноб страха, горло сжимали спазмы жалости к

отцу, к себе, к своей молодости. Рая в штабе печатала представления о наградах. Перед ее глазами проходило сотни фамилий, имен награжденных орденами и медалями при взятии населенных пунктов, за личные подвиги и много было со словом «посмертно». Иногда сослуживцы предлагали ей и себя внести в список награжденных, но она отказывалась это делать, отмахивалась.

На запад!

Их дивизия передвигалась вперед, на Запад, освобождая Украину, Львов, Тирасполь, вышли в предгорья Карпат. У Раисы в памяти осталось то, как в этих местах наших солдат население зачастую встречало не так, как везде: продовольствие не давали, на ночлег не пускали, вели обстрелы наших подразделений даже из домов. Повсюду орудовали банды бандеровцев. В июле вышли к реке Висле, предстояло освободить Краков, Варшаву. Особенно осталось у Раисы в памяти форсирование многоводной реки Вислы, к которой они вышли в конце июля 1944 года. Переправа через реку была очень сложной. Мосты разбиты, а переправить надо было около двухсот человек. Только соорудят временный мост, немцы его тут же бомбят. Только на четвертый раз смогли начать переправу на другой берег. По мосту шла техника. Солдат переправляли на плотках, но на плоты сажали только тех, кто не умел плавать. Остальные переправлялись сами. Она вынуждена была плыть в полном обмундировании, а река глубока, волны, ветер! Ужас! Вплавь переправлялись с ними и, имеющиеся в их распоряжении лошади. Рае повезло: плавала она хорошо, реку Волгу около города Канакова до войны могла преодолеть от берега до берега. Немцы беспрестанно, жестоко обстреливали переправляющихся солдат. Много тогда людей утонуло, вода была красная от крови. Рая, когда плыла, то читала молитву, которую еще в детстве ее заставила выучить бабушка. Надежда выжить была только на Бога. Рая в это время носила под сердцем ребенка, она

знала, что беременна. После переправы на другой берег солдат и техники, люди пошли дальше. Силы у Раи, как она чувствовала, были на исходе, поэтому её пожалели и посадили верхом на лошадь.

Перед их дивизией была поставлена задача: углубиться на двести пятьдесят километров и занять близлежащий, населённый пункт. В штабе встал вопрос, каким путем идти. Если идти прямо через вышедшую из берегов реку, а затем через заболоченную местность, то выходило всего пятьдесят километров. Было принято решение идти снова через реку, и опять много солдат утонуло. Оставшиеся в живых, вымокшие и усталые, люди обогревались и сушились на ходу, в домах, попадавших им на пути.

У Раи сильно намокли сапоги, были тяжёлые, словно пудовые, от воды. Когда обувь удалось просушить, то сапоги лопнули по швам. С трудом удалось найти в селении сапожника, пока тот зашивал сапоги, Раиса босиком отправилась в лесочек неподалеку от дома, где рос невысокий кустарник, мелкие березки, бузина да высокая густая трава. Вдруг начался обстрел. Немецкий самолет пролетел очень низко, фашист заметил девушку, развернулся и начал в неё целиться, охотиться за ней. Испуганная Раиса бросилась в кусты, но лёгчик не унимался, стал кружить над ней. Злорадствовать! «Не забуду этот момент до конца жизни! – Рассказывала позже Раиса. – У меня сердце было в пятках. А трава такая колючая, осока. Кусты вокруг... я заползла под единственное дерево на поляне. Оно-то меня и спасло!»

В другой раз Рая со своей группой ехала на машине, отставшей от основной части. Решили сократить путь через деревню. Остановились у одного, стоящего на отшибе дома, чтобы попросить что-нибудь съестного. Машина притормозила. Было тихо, людей не видно, ничего не предвещало беды. Рая сидела в кузове, поэтому ей пришлось выйти из машины, отправиться на разведку, остальные пассажиры остались ждать ее. Девушка вбежала в избу и нарвалась там на немцев. Они сидели за столом, перед ними стояла бутылка, стаканы. Рая рассказывала: «

Как только я их увидела, сначала на секунду обомлела. Один немец встал из-за стола, руками замахал и закричал: «Ком! Ком!» – дескать, иди сюда. Я пулей вылетела из дома с криком: «Немцы! Немцы!» Затем бегом вскочила в машину, и мы уехали догонять свою часть!»

За свободу Польши

Начиналось освобождение Польши, об этом рассказал позднее брат Татьяны, Иван. Он по окончании финской компании был переброшен на Центральный фронт, а затем, после Курской битвы, его перевели на Украинский, и он участвовал в освобождении Киева. В начале боевых действий по освобождению Польши от немцев, Ивана перевели в 1-ю Польскую армию. В этом переводе сыграло роль его польское происхождение, его польская – отцовская фамилия. Для лучшего понимания друг друга, для дипломатического сближения и дружбы наших солдат и офицеров с личным составом польского войска, для лучших взаимоотношений с местной властью был приказ из Ставки направлять советских офицеров польского происхождения в польские войска. Тася переписывалась с братом, он с ней в письме поделился, что по просьбе отца ищет в Польше его родных, с которыми тот расстался в 1915 году. Но, к сожалению, в одном из писем Иван поведал, что ему не удалось никого встретить и выполнить просьбу отца. В составе 1-ой армии Войска Польского поручик Иван Зайковский) был тяжело ранен в голову при сражении за Варшаву, награжден двумя польскими крестами. Тася гордилась братом, часто показывала друзьям его фотографию в польской военной форме поручика. Вернулся Иван с фронта домой в конце 1946 года, весь израненный, жена Анфиса выхаживала его затем почти год...

Путь домой

351 Стрелковая дивизия, где служила Раиса, к декабрю 1944 года в составе первого Украинского фронта уже осво-

бождала Краков и вошла в Чехословакию. Как Рая вспоминала, передвигалась их часть в очень высоком темпе. Срок беременности у Раи был уже критическим. Начальство ждало удобного случая, чтобы с попутной машиной отправить ее домой, так как наступало время родов. В начале января 1945 года в штабе собрали женщину в дорогу. Вещи для ребенка Рая потихоньку готовила заранее. Приходилось подстраховаться, а вдруг рожать придется где-то в пути? Рая упаковала вещмешок, туда же положила продовольственный паек, валенки и теплое белье. Зная, что в Москве морозы в это время, Рая надела тёплую шинель, шапку-ушанку, но ремень по размеру не нашла из-за выпирающего живота...Провожая любимую женщину, Аскар расписал весь маршрут, по которому надо добираться до Москвы на «корках» ее красноармейской книжки – она, с маршрутом, нарисованным рукою Аскара, у нее сохранилась до наших дней. Маршрут был таков: после Праги следующий город – Требышев, затем Ужгород, далее Турка, Самбор, Львов, Киев и, наконец, Москва. До столицы женщина добиралась две недели без происшествий. Она ловила попутные машины, садясь иногда в кабину, иногда – что делать! – в тряский кузов.

И надо сказать, что подобных Рае, молодых женщин, в военной форме, в таком положении, как она, едущих в направлении – Москва, стало встречаться в последний военный год все чаще. Военный люд: коменданты, регулировщики и просто солдаты-водители машин всех марок, настроенные уже на победу, относились доброжелательно ко всем и, в частности, к Рае, добираться с фронта домой. В Москве Рае не повезло (попав после трудного пути, на Комсомольскую площадь, чтобы оттуда отправиться в Калинин), её беременную, арестовали, привели в комендатуру, для проверки документов. У Раи с бумагами было всё в порядке, но ей приказали снять погоны, в виду того, что по форме не положено ходить бойцу без ремня. Глядя на её огромный живот, комендант улыбнулся, подсказав, как быстрее и где сподручнее найти ей попутную машину. А там ещё путь в Оршино, в деревню,

а это ещё около пятидесяти километров. Так ехала Рая от одного села до другого: то на попутной машине, то на попутных санях. Остальные двенадцать километров женщина шла пешком до нужной ей деревни. А на улице – мороз! Женщину выручали валенки, теплая шапка, хотя тянул измождённые плечи вещмешок. И темнело быстро! Зима же... Дорога, хотя и знакомая Рае, родная, хоженная – перехоженная ею в былые довоенные времена, но всё-таки идти пешком – тяжело! Да и сердце у женщины щемило от мысли: «Как встретят родные, мама, сестра, брат? Что скажут?»

Чем ближе к деревне, тем идти становилось труднее, ноги заплетались, живот побаливал. Рае казалось, что силы ее покидают. Встанет, бывало, на дороге Рая, замрет на минуту, в животе почувствует один толчок, потом другой – это ребенок не дает будущей маме отдыхать, просит, иди, мол, родная, напоминает ей, что долго отдыхать нельзя, иначе можно замерзнуть. Да и жутковато в поле-то! Поэтому надо было спешить, несмотря на усталость... В деревне Рая – измученная, замёрзшая – всё-таки очутилась поздно вечером. Замирая всем сердцем, добралась до нужной ей улицы, нашла знакомую калитку дома...Распахнулась дверь – дома были мать и сестра. Увидев Раю, обе ахнули, расплакались от радости. Здравствуй, родовое гнездо, тёплое, пропахшее уютom! В их маленькой избе до глубокой ночи горела керосиновая лампа. Накормили, уложили в постель. Хорошо, что родные много не расспрашивали, видели, что Рае не до разговоров. Да и многое было ясно без слов...

Двойня

На другой день начались у Раи схватки. Опять надо было собираться и самой добираться до села Рождествено, роддом находился там. Брат Шурка нашел подводу. Молодец! Одели Раю потеплее: в полушубок, шаль повязали, посадили в сани, а сверху еще накинули тулуп. Всю дорогу Шурка переживал, что не успеет довезти сестру в больницу, что вдруг начнут-

ся роды. Чего он будет делать с ней? Лошадь гнал сильно, боялся, как бы чего не вышло или, не дай Бог, опрокинуть сани... Рая мужественно переносила боли и даже успокаивала брата, что еще терпимо и успеют доехать. А затем между схватками, когда на какое-то время отпускало, Рая благодарила судьбу, шептала молитву, что ее брат Шурка больной, раненый, а подспорье бабам. Гляди-ка! И дома был в нужное время, а не на фронте... Закрыв глаза, в полудреме, она вспоминала далекие довоенные годы, думала, что Шурка был старше ее на два года, что детстве они бегали купаться на Волгу, ходили в ночное со своей лошадью Мальчиком. Беда пришла в дом, когда Шурке пошел двенадцатый год. В деревне однажды дотла сгорело гумно с зерном. В поджоге обвинили деревенских мальчишек. Якобы кто-то видел их, как они рядом с этим гумном баловались курением, местный люд решил, что это они и подожгли. Без разбору, так ли это было на самом деле, не так ли, но мужики сильно побили эту компанию ребят, в том числе был побитым бедный Шурка! Но затем, позже, когда было проведено следствие, оказалось, что пожар случился совсем по другой причине. Но всё равно Шурка после пережитого заболел, стал иногда заговариваться, у него начались припадки. Впоследствии он был признан инвалидом, и поэтому не был взят на фронт.

У Раи родилась дочь. Акушерка, принимавшая роды, ахнула, мол, девочка родилась в «сорочке», а это бывает не часто. Через некоторое время у Раи опять начались схватки, тогда поняли, что будет еще один ребенок. Варя, так потом будет названа вторая девочка, родилась вскоре после первой – через 15-20 минут. Обе новорожденные были одного роста и веса, здоровенькие. Мамочка, родившая этих двойняшек, не ожидала такого подарка судьбы. (Врачи акушерки на фронте Раю не осматривали, но в их семье, как вспоминала Рая позже, из поколения в поколение передавалось рождение двойняшек.) Родившихся девочек назвали именами Раиных сестер-двойняшек, умерших в раннем детстве от инфекции. Но эти, вновь родившиеся дочери, оказались стойкими и, не-

смотря на все перенесенные их молодой матерью страдания, выжили! А затем заголосили и потребовали еды!

На Дону не приняли чужую

У другой боевой подруги Раи история войны сложилась по-иному. Тасю с Петром, донским казаком, с 1943 года сначала связала, как водится на фронте, дружба, которая к концу войны переросла в любовь. Находясь на передовой, они мечтали об одном: хотя бы остаться живыми! Тася, после Курской битвы, перешла в санинструкторы, служила в санитарной роте, выносила раненых танкистов с поля боя. Только тридцать лет спустя, после войны, она на встречах рассказывала о том, как приходилось доставать обожженных бойцов из танков. Это было страшно для молодой девушки! Но она ловко научилась перевязывать любые раны. Навык лечить у Таси остался на всю жизнь, хотя после войны медиком она не работала... После демобилизации Тася поняла, что беременна от Петра. Но всё получилось не так, как мечталось! Любовь любовью, а жизнь жизнью!

Петр, вернувшись в родительский дом, в столицу, был окружен полностью вниманием семьи: матери, сестер, которые ему и невесту уже присмотрели из «своих казачек». «Никакой боевой подруги!» – Таков был ответ мамы. Тася поехала домой одна, хотя очень любила Петра. Поезда в то время в Москву шли переполненными. Стояла летняя духота. Приходилось часто сходить на остановках с поезда: то за водой, то за едой. Спрыгивая, она оступилась, упала, падение закончилось бедой выкидышем. Поэтому Тася подумала, что домой пока она не поедет, а сначала повстречается с подругой по фронту – Тосей. Нет, не потому что ехать было некуда, а оттого, что у Таси было горько на душе от разлуки с Петром, от того, что ему было запрещено взять её в жёны, что у её любимого Пети теперь другая женщина. Сердце просто разрывалось на части!

Тося, подруга, жила в Подмосковье и по всем расчётам должна уже приехать домой с фронта. Хотелось выговорить-

ся, поделиться горем... Женщины встретились радостно. Вечером за столом Тося посоветовала Тасе поехать к Рае. План был таков: вернуть Петра, сказав, что у него родилась дочь. А дословно это выглядело так: «Тося, не реви! Я получила письмо от Райки, пишет, что родила двух девочек-двойняшек в начале 1945 года. А отец их с Кавказа, возможно, погиб. Посмотри, как ей живется, может она тебе и отдаст одного ребенка, а Петру напиши, что родила ты девочку. Вот он и вернется, одумается!» Отчего бы и нет? Всё возможно...

Отдать ребёнка

Был сентябрь 1945 года, стояла теплая погода. Расспросив по дороге у людей, где находится деревня Хошмирово, а у нас на Руси говорят, что язык до Киева доведет, Тася пошла по лесной дороге, нашла дом, где жила семья подруги. Это сейчас всё легко и просто – а раньше транспорта-то не было! Одни попутки! Рая с детьми лежала в больнице. Детишки в тот момент заболели, девочкам не хватало материнского молока, с прикормкой детей тоже были затруднения. Взрослое население не могло прокормить себя: питались гнилой картошкой, лебедой, а летом ходили за ягодами и грибами, если было время...

После родов Рая сообщила Аскару на фронт, что родила девочку. Женщина почему-то струсилась сказать правду, что родила двойняшек. Любимый мужчина в ответ прислал посылку с сахарным песком, написал, как надо правильно записать в метрике отчество ребенка, так как на русском языке он звучит непривычно. Получив от него еще два письма, Рая ему решила написать, что знает о том, что у него есть семья – жена и ребенок на родине, и что у нее нет, возможно, с ним будущего... наверно, переписываться не следует! А тем временем Татьяна, так она представилась в деревне семье Рае, заявила в их дом по-городскому одетая, при всех своих наградах. Рассказала, что якобы вышла замуж за однополчанина. Все у них как будто бы хорошо, но детей не будет, так как на фронте она была ранена. Тася уговорила Раю отдать ей одну девочку на воспи-

тание, обещала часто писать и слать фотографии дочери... Дня два жила Тася у Раиной матери, познакомилась с соседками, с медперсоналом больницы, где лечились дети. Общительная, добрая, как тут не произвести впечатление? Соседи стали Рае советовать отдать одну девочку, говорили: «Не сможешь выходить двух». Рая спросила совета у своей матери. Та ей тоже сказала: «Милая, решай сама, ты взрослая и дети твои. А с двумя детьми тебя, конечно, замуж никто не возьмет».

После войны, хотелось всем женщинам и девушкам выйти замуж. А которую из двух отдать? Татьяна решительно сказала: «Я выберу сама, возьму ту, которая ко мне пойдет на руки». Варя отвернулась от Таси сразу, а Галя (это была я!) пошла без плача, затем ухватила руками за ордена, стала их теребить, тянуть в рот. Татьяне эта девочка пришлось по сердцу, казалось, что Галя покрепче и «побойчее сестры». «Вот эту возьму, Галю,» – сказала Тася. Хотя на душе у Раи было очень беспокойно: тяжело, страшно от мысли – отдать ребенка. «Что ждет Галю в будущем?» – думалось ей. Но советы мамы, соседей сделали своё дело – женщина решилась отдать Галю... Ту, что в сорочке родилась, что самая первая, что покрепче, здоровее... малышку... доченьку...

У бедной матери в мыслях промелькнула надежда, что обе девочки, несмотря на трудное послевоенное время, выживут, что когда-нибудь они все трое встретятся снова... да и судьбу ей, Рае, легче с одной дочкой будет устроить, замуж выйти в тяжёлое послевоенное, «безмужиковое» время... Там, глядишь, жизнь устроится и наладится. Татьяна заверила, что Гале у нее будет хорошо, что она будет окружена заботой.

Такова суровая действительность окончания фронтовых любовных реальностей. И не мы, а Бог судья ей, Рае и Тасе тоже.

Эпилог

Как разъединенные сестры росли, учились, создавали семьи, как сложилась послевоенная жизнь их матерей, когда

судьба дала возможность им вновь встретиться вновь? Когда и как они узнали судьбу своего кровного отца Аскара? Это уже другие истории, другие рассказы. Жизнь, как ни крути, у всех была разная, трудности у каждого свои.

Многие послевоенные годы бывшие однополчане из танковой бригады: Татьяна, Антонина – Тося, Петр встречались в День Победы в Москве. Прожили мамы-фронтовички до глубокой старости, вспоминая военные годы, разве что Татьяна до конца жизни любила на семейных торжествах петь военные песни. Раиса вышла замуж в 1949 году, родила сына. Татьяна с Петром так и не сошлись вместе. Женщина вышла замуж в 1954 году, родив ещё двух дочек от нового мужчины. Познала счастье материнства, общение с внуками и правнуками, под присмотром нас, дочерей.

Если в молодые годы мы, дочери принимали поступки матерей по отношению к нам с недопониманием, с некоторой обидой и осуждением, то, повзрослев, стали менять свои взгляды. Любовь, понимание, прощение – только это приводит к ощущению гармонии, к счастью. Мы, дочери, благодарны своим мамам за то, что они у нас были. А война, она и есть – война!

ЕЛЕНА МИНСКАЯ
(Нижний Новгород)

КТО ТАКОЙ ДРУГ?

По длинной дороге шел человек с собакой. Так долго, что устал. Вдруг перед ним – оазис.

– Что это такое? – спросил он у привратника.

– Это рай, заходи. Только собаку придется оставить. Сожалению, сэр, с собаками нельзя.

И человек пошел мимо. И опять шел долго. И устал очень-очень. Опять. Вдруг перед ним – оазис. Опять. У ворот тоже привратник.

– Я хочу пить, я хочу есть, я устал, – сказал человек.

– Так заходи.

– А как же моя собака?

– Так заходите вместе, нет проблем, сэр.

– Что это за место? – спросил человек.

– Это рай.

– Но привратник другого оазиса сказал мне, что рай – там.

– Врет он все. Настоящий рай здесь. Там совсем не рай.

Там проверка. До настоящего рая доходит только тот, кто не бросает своих друзей...

Все здесь просто и прозрачно. Все. Кроме одного. А кто такой друг? Кто в беде не бросит и лишнего не спросит? Как то длинно и туманно. Кто всегда придет на помощь? Опять слишком расплывчато. Тот, кто никогда не предаст? Почти похоже. Верней, все наоборот. Настоящий друг – это тот, которого никогда не предашь ты.

ГОРА И ЖЕНЩИНА

– Учитель, как завоевать женщину? – спросил Ученик.

И Учитель привёл Ученика к ручью, к тому месту, где вода проточила в камне небольшое русло. В течение часа смотрели они в молчании на бегущую воду. А Учитель ничего не сказал.

На следующий день он снова повёл Ученика на это место, и снова они молча смотрели. И на следующий день. И ещё через день. И так полгода.

И, наконец, в один прекрасный день Ученик воскликнул:

– Учитель, я понял! Надо быть терпеливым, и когда-нибудь ты своего добьёшься.

– Конечно, — сказал Учитель. — Но только в том случае, если тебе не жалко потратить всю свою жизнь на то, чтобы точить гору.

Это правда. Но не вся. Мастер явно не закончил говорить, целиком фраза, скорей всего звучала так: «Но только в том случае, если тебе не жалко потратить всю жизнь на то, чтобы точить гору. А потом понять, что ты так ничего и не добился». Потому что завоевать женщину также невозможно, как все невозможное. Нет, не так. Завоевать женщину возможно. Но только в одном случае. Только в одном. Если она сама этого захочет.

ЛЮБИТЬ

Один человек пришел к мудрецу за советом:

– Я больше не люблю свою жену. Что мне делать?

Мудрец ответил:

– Любить ее.

Человек подумал, что мудрец не расслышал:

– Но я же говорю, никаких чувств не осталось!

Мудрец кивнул:

– Это хороший повод, что бы любить ее.

Человек уже начал нервничать:

– Но как же любить, если не любишь?

И вот что сказал мудрец:

– Слушать ее, ценить ее, сопереживать ей. Для любви нет никаких преград, ведь слово «Любить» означает не чувство, а действие.

Это правда. Но не вся. Мудрец забыл добавить, что можно еще уважать, помогать, заботиться. Быть внимательным, вежливым и благодарным. Да многое можно делать без любви. Очень многое. Но лучше все-таки с любовью. Потому что с любовью все это делать гораздо приятней...

ВЫБЕРИ

Жила-была Мари. Как-то к ней прилетел ангел и сказал:

– Я хочу, чтобы ты была счастливой. Что мне сделать?

– Когда мне исполнится 20 лет, я хочу встретить Ганса. И чтобы он умел играть на гитаре. И чтобы у нас было четверо детей, и все — девочки.

Мари встретила Ганса. У Ганса были длинные волосы, но он не умел играть на гитаре. У них родились четыре мальчика, и все они любили футбол.

Когда к Мари снова прилетел ангел, она сказала:

– Зачем ты спрашивал, чего я хочу, если ты не исполнил мои просьбы?

– Но ведь и ты не исполнила мою, — печально ответил ангел.

– Какую?

– Я просил тебя быть счастливой.

Это правда. Но не вся. Правда в том, что счастье от Ганса не зависит. Также, как несчастье – от футбола. Счастье – это выбор. Свой собственный. Хочешь быть счастливым – будь, не хочешь – так сиди. И не надо никаких измышлений, формулировок и тренингов. Потому что все просто. Быть счастливым или не вполне – просто. Просто выбери.

ЮРИЙ ПРЯДИЛОВ

(Нижегородская область, город Павлово)

КРЕСТЬЯНИН

И властями позаброшенный,
И уставший от забот,
Он, как будто гость непрошенный,
На родной земле живёт.
Скоро два десятилетия
Молча ждёт: когда ж поймут.
Говоря себе: в ответе я
На земле за этот труд.
За скотинку благодарную,
За ухоженность земли...
Помнит: малые и старые
Здесь трудились, как могли.
Не скрывался за границами
И заранее тужил,
Как представит, что приснится там
Горечь брошенной межи.
Почему могло случиться так,
Что земля в грядущий день
Смотрит мёртвыми глазницами
Опустевших деревень?
Фермы, как войной разрушены,
А которые стоят,
Люди хваткие да ушлые
Потихонечку громят.
Не наград, не славы ищет он,
Сея бережно поля.

Видит: ропщет пепелищами
Запустевшая земля.
Не простит земля-заступница.
Что ей громкие слова?
Станет добрая попутчица
Без крестьянина мертва.
Он на поле как на паперти,
Ждёт: поймут его, простят...
Так живёт у бедной матери
Нелюбимое дитя...
Он помолится, покается
И, как есть, приняв житьё,
Соберётся да отправится
Предуказанным путём.
А вплотную понадвинется
Разнуздавшаяся рать –
На родной земле – кормилице
Не зазорно помирать.

МОЙ НОВЫЙ ВЕК

Когда в полях родного края
Бурьян да лес теснят жнивья,
Я неизбежно понимаю,
Что это время не моё.
Упавшей фермы ржавый остов
Да след заросшей колеи...
Восторг свободы девяностых,
Как дым, рассеялся вдали.
Мой новый век, мне очень трудно
В тебя поверить и принять.
Ведь на сознании подспудно
Искрит советская печать.
Нас жить учили по-другому:
Честнее, проще и скромней,
Но закрутил коварный омут
Дела и помыслы людей.

Сменив возвышенные цели
На обеспеченный комфорт,
Ряды достойных поредели
И мы теперь другой народ.
В толпе и топчут и калечат
Не за идею, а за куш.
И в храмах вспыхивают свечи
За упокой невинных душ.
Я знаю: век вперед умчится.
Мы завершим неравный бой.
...Но всё надеюсь, что случится
С ним сделать шаг не вразнойбой.

Час пробьёт, и я уйду
По тропе озябшей снежной
В край далёкий забреду,
Став для вас пустой надеждой.
Потерявши с вами связь,
Осокорем одиноким
Закачаюсь у протоки,
Никуда не торопясь.
Будут птицы распевать
В тишине, на склоне лета.
Мне не нужно успевать,
Торопясь за вами следом.
Только где-то в вышине
Прозвучит надрывно скрипка,
И с печальной улыбкой
Кто-то вспомнит обо мне.

ВАЛЕНТИНА ПОНОМАРЁВА
(Нижегородская область, село Нарышкино)

ПОДОРОЖНИК

Его толкли подошвы и копыта,
колёса в грязь вминали у межи.
Но шинами – глядите! – не убит он,
и после каблучков остался жив.

Ему б, кажись, обидеться навечно,
колючкой стать... А он все дни подряд
чужие лечит раны и увечья,
корнями помня, как они болят.

Чем тяжелее пыль и небо мгlistей,
тем он упорней, цепче и сильней,
его большие жилистые листья –
как руки наших старых матерей...

И я гляжу всё зорче, всё тревожней,
я всё больней запоминаю впрок,
как доброту пронесит подорожник
вдоль всех людских тропинок и дорог!

Как хорошо у друга близкого
глядеть в окно на милый край.
Сыграй мне полонез Огинского,
прошу, пожалуйста, сыграй.

Пусть на задумчивость настроится
твой виды видевший рояль,
мне сразу столькое откроется,
такая высветится даль!

С таким вздохнётся облегчением!
Как не вздыхалось никогда,
и беды все и огорчения
сойдут, как вешняя вода.

И никакая непогодина
уже души не омрачит,
и слово трепетное – родина
ещё сердечней зазвучит.

Пусть это чудо не окончится,
пусть плакать сердцу и болеть,
но так отчаянно мне хочется
любить и чувствовать и петь!

Умей прощаться и прощать.
Не забирай обид в дорогу.
Вернётся к отчему порогу,
сюда, в родную благодать.
И пусть от дома ты отвык,
дороги к счастью выбирая.
Но помни: нет милее края,
где твой услышан первый крик.

ЛАРИСА БУХВАЛОВА

(Нижегородская область, город Павлово)

Я волчица – в своём лесу
и добычу в зубах несущу.
Между небом и меж землёй
мы с тобой, хоть умри, живём.
Я проснусь – у моей щеки
можжевелик, грибы и мхи.
Не приемли и ты покой,
волк, охотник мой колдовской.
Я свободу как дар храню.
Глуп, желающий шкуру мою.
Как под брюхом травы звенят...
Я учую недобрый взгляд.
То не сад, а дремучий лес.
Всё на свете имеет вес.
И с враждой не ходи сюда –
помнят тропы всё, до следа.
Хоть свет клином сойдись на мне –
воткнут нож на заветном пне.
Я шагнуть напрямик не боюсь –
русой девицей обернусь.
А по тёмную сторону ту –
волчья ягода я на кусту.
А – как ночь – назад кувырок –
мне собратом матерый волк.
И в лесах, у хрустальных рек,
сердцу сродника ближе нет.

Как жемчужины, как роса
поцелуй его на устах.
За него, за – кого люблю –
горькой ягодой отравлю.
Околдую, собью враз с ног –
посмотри, как блестит оберёг!
Что мне храмин уют и дым? –
Волки сыты мясом сырым.
Есть такой у нас интерес:
хоть корми, а мы смотрим в лес!
Что нам мир ваш? Присмотр да сглаз...
Даже змеи в лесу за нас.
И летит, как покров, со мной
Тайна ночи и дух лесной.
Звёзды с неба в окно глядят –
я – волчица – хочу тебя!
Через лес, сквозь чёртову згу,
через реки к тебе бегу.
Бьётся сердце живым комком.
Соль и сладость под языком.
Зверь, а нежности не сдержу,
языком тебя оближу.
Жить да быть расхристанной мне
в шалаше, во сырой норе.

И первый ангел вострубил,
пока смеялись мы,
покуда дождик моросил
в преддверии зимы.

Кончалась осень и ноябрь,
и двигались зонты.
И говорила много я,
и, также много, ты.

А выше ангел в небесах
над городом в бреду,
как первородный детский страх,
он воздымал трубу.

И горько плакал, и скорбел,
к губам прижав мундштук.
Но выше наших душ летел
звонящий трубный звук...

Случилось это в ноябре,
сошлось со всех сторон
на домики, что на горе,
на Спасской, как с икон.

И мы, примолкшие, вотще,
ещё в толпе зевак.
... Но шевелился там в душе
какой-то тайный знак.

ДОН КИХОТ

Без страха и упрёка,
по рытвинам дорог,
от крова и до Бога
шагает Дон Кихот.

Его смешные латы
от поступи звенят.
Вокруг него все святы.
Лишь он один не свят.

Его взвели на царство –
и верит он, чудаки.
Приемлет, как богатство,
он шутовской колпак.

Ни замка, ни чертога,
но счастлив Дон Кихот,
как скоморох у Бога,
он честно крест несёт.

Идёт-гудёт потеха,
позор на целый свет:
смешно, а против смеха
и заповеди нет.

Скажи – и ляжет грудью
за друга своего.
Отсвечивает грустью
улыбка у него...

Смеётся вся округа
над смелостью шагов –
он видит в монстре друга,
а в мельницах врагов...

И только на закате,
когда погибнет он,
печаль на всех накатит,
со всех семи сторон.

И выскажут, в финале –
погиб, мол, он не зря!
... Так люди распинали
потешного царя.

Цветами и венками
покроют хладный прах.
И, с важностью, восславят,
как светоча, в веках...

Пока же – злая ругань
летит ему вослед,
и замечает выюга
его неровный след...

КОПЕЙКА

Уронила я копейку.
Позабыла – как и звать...
Надо, надо мне копейку –
Не стесняться – подобрать.

Подняла, наказ дав строгий:
– Не валяйся на земле!..
А на ней – Святой Георгий,
что с герба глядит в Кремле,

Да висит над президентом,
над российской главой...
Что чеканен был на медной,
на копеечке святой.

... По землице, по Господней,
как копеечка, звеня,
покатилась Русь в исподнем,
в чужедальние края.

Славя англицкое слово,
будто сами дураки.
И – Георгия Святого
попирают червяки.

Углубясь в эксперименты,
продал сын родную мать...
Уж негоже президентам
Русь – копейку подымать!

Эх, прощай, душа-жалейка –
мы – святая простота!..
Да не ты ль, моя копейка,
Ахиллесова пята?..

Мы же помним, мы же знаем!..
Аль Европа нам чета.
Эх, копейка – Русь Святая,
да не стоишь ни черта...

Вот – живу и не привыкну,
Что лежишь ты на боку.
Эх, Георгий, эту б пику
Прямо б в харю червяку!

ГРУНЮШКИНО КОЛЕЧКО

*Памяти бабушкиной сестры
Грунюшки*

Давнее это дело.
И вместо избы – трава.
Грунюшка – старая дева
колечко мне подала.

Длился июньский вечер –
пора девичьих венков.
Раскатывали колечки
медные, из пяточков.

Выродок нечеловечий
вышел из страшной тьмы.
И – покатались колечки
ноликами войны.

Подло поправ законы,
под покровом замков,
гильзы он лил для патронов
из своих пятаков.

Там, где лежало на карте
колечко, и жизнь цвела –
угольная, проклятая
стрелка его пролегла.

Сделалось в мире зыбко
в те чёрные времена.
Пустая качнулась зыбка –
в ней родилась война.

Съевшая пол-Европы,
стрелка пришла убивать.
Погнали невест окопы
для женихов копать.

А над страную, вздыбась,
танк большой громыхал –
стрелка копала могилы
колечкиным женихам.

Чёрный, проклятый коршун
клювом кровавил гать.
Им же хотелось корку
с этой земли содрать.

И выползали змеи
из кровожадных уст.
Им же хотелось землю
вырезать, как арбуз.

И задрожало колечко –
что же могло оно,
если и драться нечем?..
Оно ж – любовь и тепло...

Судьбы людей калеча,
кровушкою пьяна,
раскатывала колечки
«вусмерть» собой война.

Нашёлся всё ж человеке!
Он и приблизил миг,
и в кровожадный череп
смело вонзил он штык.

И раскатал из гильзы
колечко – любви оплот.
Светлым, счастливым был он:
Май – сорок пятый год.

...Давнее это дело.
И вместо избы – трава.
Грунюшка – старая дева –
колечко мне подала.

Вот, мол, лежит, пылится,
сказала тогда она,
для свадьбы твоей сгодится.
Мою-то... война отняла...

Из пяточка колечко
простое. А в нём – огонь.
Легло, как чужая вечность,
оно на мою ладонь.

Сделанное из меди,
гладкое, без затей.
Сколько в нём светлых мгновений
и не рождённых детей?..

Плата нечеловечья
за любовь и зарю.
Медное это колечко
пуще иных храню.

Делят кумиры на части
шара земного куски...
Колечки – большое счастье –
подвешены на волоски.

Сколько их там, сердечных,
в небо вознесены
символом, болью вечной,
ноликами войны?

Если на месте сечи
собрать их, ради добра,
то вырастет из колечек
горестная гора...

...Давнее это дело.
И вместо избы трава...
Грунюшка – старая дева
колечко мне подала...

ВЛАДИМИР КОЛЧИН

(Нижний Новгород)

«Человек человеку – волк»,
Доверительно он изрёк.
Я в ответ ему: «Ты не прав,
Человек человеку – брат!
Мы, по сути, одна семья.
И под нами – одна земля,
А болезненные раздоры –
То симптомы какой-то хвори.
Мы природой своей добры,
Хоть порою и зло творим.
Не случайно же каждый раз
Наша совесть пытается нас». —
Как на это он хохотал,
Будто бы извергал напалм.
«Блажь извечная – совесть, стыд;
Человек человеком сыт.
Только выгоду и корысть
Брат от брата спешит отгрызть,
А радушие добряка –
Лишь заманка на дурака.
Человек человеку – волк». —
Он сказал, подводя итог,
И по – братски меня обнял,
Но словам его я не внял.
Кулаки налились свинцом,
Я ему заорал в лицо:

«Человек человеку – брат!!!»,
И, по-волчьи
горел мой взгляд!

Сознание лишает света дня,
Как дым, что не бывает без огня,
Иные допущенья по огласке,
Фатально устремляются к развязке,
И всё сметая на своём пути,
Руины оставляют позади.

Таких прозрений дьявольское пламя,
Так часто принимается за знамя,
Что притворяясь истиною, ложь
Ведёт народы, как стада, под нож.

Я верю им: всё в этом мире сложном
Возможно. Потому что всё возможно.

Из ничего, из «чистой» небылицы,
Являются спасители – убийцы,
Чьё ремесло – печальные примеры
Материализации химеры.

Язык, язык – преступник и закон.
Мир на коленях перед языком.

Я мира часть. Я умоляю: «Слово!
Огнеопасное не трогай за живое.
И без того вокруг, необозримо,
По горло будущих пожаров дыма,
Где души выжигаются живьём,
Из дыма возникающим огнём».

И всё же. И всё же,
похожий на тир,
Меня не пугает
сегодняшний мир.
В свободе пороков,
где мается честь,
Мир мог быть намного
страшнее, чем есть.
И время от времени
лже-мудрецы
Нам вновь предъявляют
его образцы,
В которых народы
не стоят гроша,
В которых в тепле
холодеет душа,
В которых сознание
рисует живьём,
На что мир способен
в безумье своём.

Живи, как хочешь. Ты так и живёшь,
То «рубишь зелень», то «пушнину стрижёшь» –
Кого не пугает в заплатах сума?
По ком на свободе не плачет тюрьма?

Я вижу движенье. Я вижу прогресс,
Но я не вижу в нём твой интерес.
В надёжнейших банках – ячейки подряд,
Так урны с прахом в колумбариях спят.

Какое дело – кто ОН, кто ОНА,
Какая роскошь за шторой окна.

Возьми в руки скальпель и сделай разрез.
Весь этот блеск с нищетою взразмес.

Ты знаешь чувства. Ты знаешь любовь.
(С любовью классно рифмуется кровь).
В холодном свечении шикарных руин,
Ни прах ли сочтется сквозь ткани перин.

Твоя нервозность в кошмарах гримас –
Отчаянный трепет клубка метастаз.
Будь внешне стерилен, душевно пушист,
Своим же глазам не поверишь, что чист.

В крошечности света всё загодя тлен.
(От миропорядка не ждать перемен).
Все крайние формы в один организм,
Костлявой рукою микширует жизнь.

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Будет всё хорошо –
даже не беспокойся,
Даже из ничего
извлекается польза.

Даже если в дремучем
лесу заблудиться,
Можно плюнуть на всё
и в лесу поселиться.

Есть своя медицина
и в яде укусов.
Минус очень легко
обращается плюсом!

Год за годом, словно метр за метром,
Мы шагаем, не жалея сил,
Огибая ямы по отметкам
Тех, кто этот путь нам проложил.

Здесь под снегом могут быть коряги,
Западни, капканы, бурелом.
Повернуть бы, проявить отвагу
И рвануться к цели напролом.

Кто-то смог, под чьими-то шагами
Пролегла иная колея.
А для тех, идущих вслед за нами,
Может, этим кем-то стану я?

Еще бы лета хоть немножко,
Еще б хоть пару дней тепла...
Но бьется дождь в мое окошко,
Борясь с прозрачностью стекла.

Листвы прочитанные письма
Укрыли землю, словно плед,
Рябин изящно-алых кисти
Печально машут стаям вслед.

Сгорает осень золотая.
Стоят, нахолившись, дома
И грустно смотрят, как ступает
Неумолимая зима.

Свободны люди – или же рабы?
Как разобрать: что – воля, что – неволя?
В одном едином замысле судьбы
Все, как один, свои играем роли.

Чей воплощаем образ, чей – каприз?
Какой сюжет придет ему на смену?
И кто решит, кому во тьму кулис
Когда придет черед уйти со сцены?

Марионетке рукоплещет зал.
Ей управлять способен кто угодно...
Но до сих пор никто не доказал,
Что эта нить должна быть путеводной.

ТУМАН

Растаял город в молочной дымке,
Как сахар в чае.
Размыты грани, словно на снимке
Дефект случайный.

И мир привычный уже не тот –
Чужой и странный.
Покров таинственный создает
Вуаль тумана.

Уже замедлило время ход,
Уснув беспечно,
И верно равенство: шаг вперед –
Шаг в бесконечность.

Среди спустившихся облаков,
Густых и вязких,
Жду воплощения детских снов –
Начала сказки.

ОЛЕГ ПРЯНИЧНИКОВ

(Свердловская область, город Верхняя Салда)

О ЧУДЕ. СКАЗ.

1

Казалось бы, тихая, спокойная сентябрьская ночь опустилась на среднеуральский лес. Но вот – ухнуло. Потом ещё, ещё. И вскоре целая канонада небесного грома сотрясала воздух и землю. Засверкали молнии, подобные огромным турецким саблям. Они вонзались в лес, расщепляя стволы кустарников и деревьев, и срезая, словно бритвой, их ветки. Иногда что-то вспыхивало, но, слава богу, пожара не случилось, потому что лил дождь – крупный и густой. Огромные чёрные тучи нависли в каком-то странном, словно военном, порядке над лесом и громыхали: гром – молния, гром – молния. Так продолжалось всю ночь. Наконец, к шести утра, вакханалия закончилась: подул ветер, тучи ушли. Затем вместо порывистого дуновения заиграл бойкий ветерок, и над лесом стало всплывать рыжее сонное солнышко, окружённое белым ореолом. Хотя лесной чаще был нанесён немалый урон, она не выглядела жалкой, лес по-прежнему был прекрасен: его ели звенели, расправляя свои могучие плечи, его полянки оживали – поднималась трава и цветочки, его ручейки журчали, как ни в чём не бывало. И птицы зачирикали! И ярко-оранжевое солнышко проснулось окончательно, начало отдавать своё тепло всему живому, просеивая лучи сквозь зелёно-жёлтую листву. Чудо!

Но вот вам ещё одно, тоже вполне осязаемое, но не очень-то симпатичное чудо, точнее сказать, Чудо-юдо. Появившись

непонятно откуда в лесу, это Чудо-юдо ползло, раздвигая своим трёхметровым чешуйчатым телом толстые стволы, если сказать по-военному, приличного калибра, давя любую живность, попавшую на пути. Чудище хваталось лапами с длинными когтями за всё, что только можно было ухватить, отталкивалось острыми коленями и ползло. Оно двигалось, словно танк, напролом и отчаянно стонало. Вот Чудо-юдо заметило своими алого цвета, словно в дымке, глазами, где не было зрачков – большой, спиленный людьми, пень. Продолжая стонать, чудище взгромоздилось на него. Оно село, подобно человеку, пристроив спину и согнув в коленях задние лапы. У существа кровоточил бок, на его жабьей морде лежала печать страдания. Вдруг в когтях чудища блеснула ампула – граммов эдак на двести. Чудо-юдо трясущейся лапой поднесло к пасти ампулу и нечаянно выронило её. Ампула упала рядом с пнём, в траву, но в траве предательски притаился камень, о который разбилось снадобье. Услышав звук разлетающегося стекла, Чудо-юдо взвыло так, что лес замер: птицы перестали петь, дятел тюкать, болото пузыриться. Вскоре в когтях чудовища блеснула вторая, точно такая же ампула, и она было последней. Резким движением Чудо-юдо вогнало стеклянную «торпеду» прямо себе в рану, ампула лопнула, встретившись с рёбрами. Чудо-юдо взвыло почти так же, как и до этого. Но, спустя минуту, мерзкое, ужасное тело успокоилось и обмякло. Алые глаза потухли. А уральский лес, наоборот, снова ожил.

2

Вот уж год, как сорокалетний Михаил Евгеньевич Кремниев стал пенсионером. Пенсию получал по инвалидности. Заболевание у него было странное, медицине не известное. Двадцать лет назад, вернувшись из армии, Миша Кремниев устроился на единственный в городе металлургический завод учеником кузнеца. Кстати, современный кузнец – это вам не тот языческий лохматый силач, по лбу которого стекает

ручьями пот, облачённый в фартук, кующий мечи, подковы и гвозди. Это совсем другой персонаж – обычный работага в суконной робе, с каской на голове, с защитными очками на носу, с берушами в ушах. Этот человек находится возле огромного прессы, где он щипцами подкладывает под молот пятидесятикилограммовые «чушки» либо вручную, либо при помощи манипулятора.

Вот к такому кузнецу-работаге и прикрепили Мишу Кремниева, только что отслужившего в армии, на два месяца учеником. А через два месяца способный ученик сдал на разряд и начал работать самостоятельно. А ещё через пять лет Мишу Кремниева все коллеги по цеху стали величать Михаилом Евгеньевичем.

Девятнадцать лет Михаил Евгеньевич Кремниев отдал заводу. Работал себе человек, работал, и вот на тебе – рядовой профосмотр. Обычный отоларинголог проверяет слух, а слух-то у кузнеца сверхотменный. Вроде бы это хорошо? Но заступил как-то бригадир-кузнец на смену, и из правого уха у него внезапно хлынула струйка крови, затем через минуту из левого. Звуки он стал слышать в десятки раз отчётливей обычного человека. Вставлять беруши было бесполезно, они почти не помогали.

Боль позже отступила, а неизвестная в мире медицины болезнь осталась. Кремниева возили в Москву: собирали консилиум, вскоре определили – обострённый слух, и чем громче произнесённый звук, тем хуже ушным перепонкам. Взвинченная человеческая речь, надрывное мяуканье кошки, близкое жужжание пчёлки – ещё куда ни шло, а вот, к примеру, громкий стук, резкий хлопок, грохот, взрыв – всё это могло сыграть очень злую шутку со слухом, вплоть до глухоты. Закончив обследование, светила медицины прописали необычному больному всё те же «беруши», дали инвалидность, свалив всё на профболезнь и отпустили с миром.

Простившись с заводом, Михаил не спешил искать новую тихую работу, пенсия по инвалидности была не такой уж плохой (приплачивал завод). Да и много ли надо одному, если

за всё время сознательной жизни он так и не женился и детей не завёл. А родителей он схоронил несколько лет назад: мать умерла от рака, от горя у отца не выдержало сердце.

Почти год бывший кузнец валял дурака, мало с кем общался из друзей, знакомых и родственников, но зато за это время он пристрастился к чтению. Записался в заводскую библиотеку и мало того, что брал книги на дом, два-три раза в неделю Михаил посещал читальный зал, там садился обычно в какой-нибудь угол и читал, читал, читал. Он увлекался этим настолько, что не всегда вставлял беруши. А иногда и вовсе забывал про них.

3

Сегодня он тоже пришёл в этот храм святой тишины, вечных страстей и истин. Поднялся на второй этаж, с трепетом и, так сказать, с нежностью открыл обычные деревянные двери и проник в атмосферу, где одни люди с жадностью поглощали фантазии и мысли других людей, называемых в мире – писателями.

– Губермана, если можно. Любую книжку.

– Минутку...

Миловидная блондинка-библиотекарша Варя скрылась в «книжных джунглях» и вскоре, лучезарно улыбаясь, вынесла Кремниеву томик стихов.

– Спасибо, – сухо поблагодарил он и удалился в свободный угол читального зала.

Всё это время, точнее целый год, библиотекарша Варя наблюдала за высоким, чуть седоватым, с умными карими глазами мужчиной, и каждый раз, когда Михаил приходил в библиотеку, а именно в читальный зал, где она работала, сердце Вари стучало сильнее, чем обычно. Глядя на него, она мысленно отмечала: «Надо же, всегда выбритый и чисто одетый.» И частенько беспокоилась: «Неужели женат?» Затем успокаивалась: «Хотя кольца нет.» А ещё она иногда думала: «Какой мужчина! Жалко, кажется, глуховат...»

К своим двадцати девяти годам библиотекарша Варя получила высшее образование, сходила, как говорят, замуж, родила мальчика, развелась и теперь жила тихой, монотонной жизнью с матерью-пенсионеркой и восьмилетним сынишкой.

Стихотворения Губермана были занятыми: весёлые умные четверостишья жемчужными бусинками нанизывались на нить доверительного разговора автора с читателем. Поглощать это легко. Закончив читать, Кремниев подошёл к столу библиотекаря и вернул книгу. Варя невольно привстала.

– Как вам Губерман? – с неким волнением спросила она.

– Смешно, поучительно.

– Мне тоже по душе его «гарики». И даже мат у него уместен.

– Ещё как! – Согласился бывший кузнец. – Правда я за свою трудовую деятельность наслушался этой скабрёзности выше крыши.

– Кстати, вы так давно сюда ходите, а мы даже не знакомы. Меня Варей зовут. – Женщина ласково улыбнулась.

– Я знаю. Меня – Михаилом, – он бережно пожал её ручку своей клешнёй.

– И я знаю, что вас зовут Михаилом. Конечно, же вы работаете на нашем металлургическом.

– Работал. – Пояснил мужчина. – Ныне на пенсии.

– Такой молодой?

– У меня инвалидность – профзаболевание.

– А... простите... мне искренне жаль, – Варя повернула голову к окну, за которым дымились трубы металлургического завода. – Вот он, кормилец нашего города... Миловидная библиотекарша, симпатичная блондиночка тоже нравилась Михаилу. Но ему – сорок, Варя моложе, мужчина застенялся, подумав: «Куда мне? Она встретит мужчину более достойного, чем я, ровесника. И главное – здорового... Зачем портить молодой женщине жизнь?» Хотя библиотекарша Михаилу очень приглянулась.

Последних слов, сказанных Варей, Кремниев прочитать по её губам не смог, а расслышать не позволяли «беруши».

И как раз в этот момент вошедший читатель нечаянно громко хлопнул дверями. Михаила словно спугнули.

– До свидания, – пробормотал он и зашагал к выходу.

Завтра он собирался выехать на природу.

4

Слева от перрона располагался дачный посёлок, справа – лес. День обещал быть солнечным, как-никак бабье лето. Михаил вынул из ушей «беруши», поправил на плече рюкзак, в котором лежали лукошко и термос с горячим чаем, и с наслаждением втянул полной грудью воздух. «Ну, здравствуй, родной, – мысленно поздоровался он с лесом и направился вглубь.» Хруст сухой ветки, тюканье дятла, уханье совы щекотали ушные перепонки, но Михаил терпел ради завораживающей, дивной, осенней красоты уральского леса. Мужчина знал этот лес с детства, грибные, ягодные места. Но сегодня чего-то дельного попадалось мало (постарались дачники). Да и Бог с ними, с грибами, не они – главная цель. Михаил наслаждался хрустальным воздухом, солнышком, которое начинало набирать свой оранжевый цвет, и, самое главное, наслаждался тишиной. Вдруг Кремниев уткнулся в странный бурелом – с туннелем внутри: такое ощущение, что по лесу полз огромный червяк, ломая своей тушей кустарники и деревья, сгибая их в крутые дуги. Бывший кузнец, поражённый невиданным зрелищем, с осторожностью пошёл по «следу» мнимого чудища, иногда он невольно наступал на красные пятна, напоминавшие кровь. Михаил шёл всё осторожнее и осторожнее. Но бурелом закончился и ничего сверхъестественного не произошло. Далее раскинулась весёлая, светлая полянка, посреди неё торчал большой пенёк. Пенёк густо ошетинился опятами. «Мама моя! Хоть что-то!» – обрадовался Кремниев и приготовил лукошко с ножом. Срезая опята и складывая их в лукошко, он то и дело оглядывался на бурелом, при этом думал об этой странной загадке природы. Он не заметил осколков стекла и поранил указательный палец

левой руки. «Тьфу!» – выкрикнул он, машинально сунув палец в рот. Михаил увидел осколок стекла, а рядом заметил пятна всё той же бурой запёкшейся крови.

«Что ж, всему есть объяснения, – успокоившись, мысленно стал разговаривать сам с собой Кремниев, – если рассуждать логически, быть может, начался сезон охоты на крупного зверя? В общем: стреляли, допустим, лося. Ранили бедняжку, он метался, видимо, даже полз – вот тебе и бурелом, и кровь. Ясно, что событие ужасное...» Хотя открыт или не открыт сезон охоты Михаил точно не помнил! Затем он посмотрел на порезанный палец, ещё раз посмотрел, осмотрел его весь – ранку затянуло, как будто её и не было.

«Вот это да!» – выкрикнул он снова. И решил, набив лукошко опятами, что пора сматываться. Сидя в электричке, Михаил пил чай, но картина загадочного, невесть откуда взявшегося бурелома у него не выходила из головы. Напротив Михаила на тряском сидении притулился мужичок в телогрейке из разряда таких – бывалых, как говорят в народе.

– Вы не знаете, – обратился к нему Кремниев, – сезон охоты уже начался?

– Это смотря на какую птицу, зверя, – ответил бывалый.

– Ну, скажем, на лося.

– На лося ещё не начался, вот тёплые деньки уйдут и начнётся. Сам жду, с нетерпением, я же охотник. А вы?

Михаил ничего не ответил, лишь пожал плечами...

«Не начался...» – Мелькало у него то и дело в голове... Вернувшись домой, мужчина первым делом замочил грибы. Ближе к ночи сварил их и засолил «по горячему», как учила его покойная мать. Получилось три литровые баночки. Не удержался и съел несколько свежих, не просоленных грибочков. Спать лёг поздно. Ему, переваливающемуся с бока на бок во сне, чудились кошмары: какое-то чудовище, какая-то прелестная женщина с платиновыми волосами и странным рубином на лбу, какой-то сердитый старик. С такими же волосами отчего-то, рубином тоже на лбу... Чушь какая-то...

Массивное кресло было деревянным, без всякой краски, обивки и подушек, на пухлых резных ножках, по бокам – с резными поручнями. Такое кресло могло вместить и выдержать пятерых взрослых людей, но сидел в этом кресле единственный могучий старик. Его платиновые волосы стекали на широкие плечи, такие же платиновые усы переходили в бороду платинового цвета, коя время от времени вздымалась на покатоной груди. Его чело обхватывал тонкий золотой обруч со странным во лбу большим рубином, который каждую секунду менял оттенок – зрелище завораживающее. Белого цвета длинное одеяние, опоясанное кушаком, было надето на старике, из-под полы выглядывали носки тоже белого цвета и сапоги. Глаза старика были закрыты, руки мирно покоились на коленях, он не спал и не дремал. Он был погружён в раздумья. Возле его ног, свернувшись калачиком, словно собачонка, лежал маленький горбун в костюме скомороха, который не просто спал, он дрыхнул, издавая храп и пуская слюни. Как называлось такое помещение, ярко-освещённое, в котором находились кресло, старик и горбун, понять было невозможно. Вроде бы зал дворца: высокий белый потолок, белые колонны, но никакой помпезности, из мебели одно кресло, по бокам шторы тоже белого цвета. Но окна или что-то иное таились за ними, было не ясно. И непонятно было, откуда исходил необычно яркий свет. Вдруг, в метрах десяти от старика, возникло серебристое облако, которое быстро рассеялось. Вместо него появились трое – два огромных белых голубя и Чудо, которое крыльями с усилием втолкнули в помещение те же голуби. Старик открыл глаза, спокойное выражение его лица не изменилось. Проснулся и отодвинулся от его ног карлик-горбун.

– На колени, – тихо приказал старик.

– На колени! – продублировал хозяина своим мерзким скрипучим голосом горбун, просеменив вокруг чудовища.

Чудовище не шелохнулось.

– Ну! – у старика набрякли желваки.

– Ну! – подхватил скоморох.

Издав рык, Чудо-юдо припало на одно колено, но головы не преклонило.

– Ты вновь совершил преступление, – в голосе старика появились грозные нотки, – ты сбежал из моего зоопарка.

– Хозяин, насчёт зоопарка – смешно, ей богу, смешно! –

Горбун покатился по полу. – Хаааааа!

– Цыц! – Старик грозно повёл бровью.

– Яволь! – Горбун мгновенно вскочил на ноги и приложил ладонь к сбившемуся колпаку, на котором дзинькали бубенчики. – Хозяин, подать ли вам посох под номером тринадцать? –

Карлик облизнулся:

– Посох для испепеления – мой любимый.

– Уймись, дурачок.

– Значит, чуть попозже.

Старик снова обратился к чудовищу:

– Мало тебе того, что я сделал с тобой? Ещё совсем недавно ты был мужчиной в расцвете сил, а теперь ты непонятно кто и непонятно что. Мало тебе?! Неужели ты и в самом деле надеялся спрятаться от меня на Земле?

Чудо-юдо заговорило, и заговорило вполне красивым мужским голосом:

– Я много лет прожил на Земле, пока был похож на человека. Эта планета стала для меня домом. Вторым домом. Я просто хочу жить в нём, и не только я один. А ещё я хочу, чтобы плохие люди на этой планете становились хорошими. И я готов всячески содействовать этому.

– Что?! – Выражение лица старика изменилось, его начал охватывать гнев. – Ты забыл, что я тебя отправил на Землю много веков назад! Но для чего?! Отвечай!

– Я должен был быть проводником твоей воли.

– Моей воли, – каждое слово отчеканил грозный старик. – Моей! Слышишь?! Почему ты не давал умереть людям, когда им это было суждено мною? Зачем ты приглашал за стол пере-

говоров вождей, королей, царей, президентов, предотвращая тем самым войны? И всё это ты делал, не спрашивая меня. Ты помогал людям строить города, ты помогал им двигать вперёд науку, развивать искусство. А сейчас ты собираешься из подлецов варганить ангелов? Разве ты – это я?! – Старик помрачнел ещё сильнее. – Надеюсь ты раскаиваешься?

– Нет. – Чудовище по-прежнему не преклоняло головы.

Старик поднялся во весь свой исполинский рост, но не сделал ни шага.

– Хозяин! – Взвился горбун, почуяв нужный момент. – Я за тринадцатым!

Холоп метнулся в сторону и подал старику посох чёрного цвета. Тот принял от горбатого карлика посох, именуемый тринадцатым. Ещё минута и старик направит кончик посоха в Чудовища, от которого в испуге шарахнулись в стороны огромные белые голуби.

– Э, хозяин, вы не спросили про универсальный эликсир выздоровления. Может, сначала про него надо сказать, не так ли? – Горбун склонился в поклоне.

– Да...м... откуда ты, мерзкий, взял две ампулы универсального эликсира выздоровления? – Старик разозлился не на шутку. – Молчишь? Что ж, гори, несчастный!

– Постой, отец! – В этот момент все услышали пронзительный женский голос, который доносился откуда-то из глубины зала.

– Принесла нелёгкая! – С досадой выпалил карлик.

6

День не обещал ничего хорошего, потому что предполагался быть пустым. Очередной, похожий на других, серый день, каких у Михаила было сотни. Когда особенно плохо, вспоминаешь, что где-то есть приятели, родственники... Но от тяжёлых чувств нет желания навестить даже их. Значит, ты совсем одинок. Вот это точно – тоска! Впору повеситься. Но не пить. Через это Кремниев уже проходил. Уж лучше в библиотеку.

А там, в читальном зале, как всегда, было тише, чем где-либо. Варя что-то писала, когда Кремниев подошёл к столу. Она подняла голову и приветливо улыбнулась, хотя голубые глаза её оставались грустными.

– Что хотите почитать? – спросила она нарочито громко, памятуя о глухоте Михаила.

– Говорите тише, – бывший кузнец кивнул в сторону читателей. – Я вас прекрасно слышу.

В грустных глазах Вари – искоркой – пробежало удивление.

– У вас хороший слух? Простите, вопрос не корректен.

– Нормальный вопрос. У меня слух ещё какой хороший. Просто мне часто приходится запечатывать свои уши «берушами»: я плохо переношу резкие, громкие звуки. Помните, я говорил вам о своём профзаболевании? Вот оно у меня такое. Сейчас я без «берушей». У вас что-то случилось?

Михаил заметил опечаленность во взгляде и некую скованность женщины.

– Да. Но зачем вам знать об этом.

– Вы можете мне довериться.

– Мама. – Варя вздохнула. – Понимаете, как это сказать, мой близкий человек... Моя мама заболела.

– Я вам очень сочувствую. – Михаил наклонил голову. – Вот мой номер сотового. Давайте созвонимся. Вдруг нужна моя помощь!

– Хорошо. – Варя написала на бумажке номер своего сотового тоже. – Я согласна!

Только Михаил и Варя успели обменяться номерами телефонов, как дверь читального зала отворилась, и вбежал мальчик лет восьми-девяти, сразу с первого взгляда было ясно – ребёнок сильно обеспокоенный. Он учащённо дышал и, казалось, вот-вот заплачет. Ребёнок неожиданно, с придыханием закричал, подбежав к Вере:

– Мама!

Кремниев на минуту зажал ладонями уши, глубоко вдохнул-выдохнул.

– Тише, Саша. Что-то с бабушкой?

– Бабушку увезла «скорая». Тётя Лида вызвала, – выкрикнул мальчик.

– В больницу? В какую?

– Я не знаю. Тётя Лида знает. Она нас внизу, в такси ждёт.

– Простите, Михаил. Тётя Лида – это наша соседка. Что же мне делать? Надо отпроситься, но кто меня заменит? – Варя с надеждой посмотрела на Михаила.

Среди посетителей читального зала забродило недовольное оживление.

– Идите, – твёрдо сказал Кремниев. – Я помогу. Сколько надо буду тут!

– Вы?

– А что тут такого? До закрытия библиотеки осталось пару часов – дотяну. Да и вообще, что тут сложного: выдавай да принимай книжки. – Мужчина ободряюще кивнул взволнованной Варе.

– Действительно, ничего сложного. Михаил, вот в этом журнале делайте записи: кто, что взял и вернул. – Женщина накинула на себя плащ. Она взяла Сашу за руку – Идём!

– Понял. Не волнуйтесь, всё будет, как надо. В целости и сохранности. Отвечаю!

– Друзья! – Варя поспешно обратилась к посетителям. – До конца рабочего дня меня не будет. Все вопросы вот к этому человеку. Заранее – большое спасибо!

Михаил посмотрел вслед торопящимся библиотекарьше и её сыну, что-то в его груди шевельнулось. Что-то приятно-щемящее. Он занял место Вари. Огляделся... Михаил рад был помочь. Был горд от того доверия, которое ему оказали. Потому что книги – это тоже ответственность!

Бывший кузнец почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Оглянулся, увидел человека среднего возраста, который был одет в костюм чёрного цвета. «Дорогой!» – Мелькнуло в голове Михаила. На голове у человека была надета шляпа. И что самое странное, что незнакомец нагло закурил, пуская колечки дыма, сидя в самом конце зала, у выхода. Ми-

хаил зажмурился и вновь распахнул глаза. Загадочный посетитель исчез.

«М-м-да, наверное, у меня проблемы... и со зрением! Этого только не хватало. Или это глюк? – Михаил поморщился, привстав со стула, на котором ранее сидела Варя.

Однако табаком несло на весь читальный зал...

Делать было нечего, как отогнать от себя ненужное видение. Когда наступило время закрыть библиотеку, Михаил кликнул заведующую, объяснив ей всё, что случилось с Варей. И медленно пошёл домой.

7

Диван, телевизор, кухня, диван, мысли, мысли – и так с самого утра.

– Да ну их, мои комплексы. Хватит! – После нескольких дней одиночества решил для себя Кремниев и набрал номер библиотекарши, ставшей ему близкой.

– Варвара, здравствуйте.

– Здравствуйте, Миша, – в голосе женщины слышались печальные нотки.

– Варя, сегодня воскресенье. Выходной день. Может, мы встретимся?

Возникла пауза. Она повисла как-то внезапно. У Михаила застучало сердце – отчего так?

– Я не против, но мне сейчас не до этого. – Варя всхлипнула. – Понимаете... Моя мама... ей плохо, врачи говорят, она умирает... её привезли домой.

– Как домой? Подождите. А как же лечение? Химиотерапия? Что там ещё делают... Варя, я готов помочь всем, чем смогу. У меня есть сбережения. – Михаил настойчиво предложил помощь.

– Поздно. Врачи сказали, что маму лечить бесполезно. Ей осталось несколько дней, от силы пару недель...

– Варвара! Где вы живёте? Диктуйте адрес! Я сейчас к вам приеду.

– Миша, вы... ты... ты не знаешь где можно купить грибы? – Варя снова печально выдохнула. – Солёные. Опята. Мама их просит. Напоследок!

– Да у меня их целых три литровых банки! – Михаил с готовностью кинулся на кухню. – Сейчас, я быстро. Я... Ждите. Жди!

Мужчина тоже решил перейти на «ты». Отчего бы нет?

По дороге он купил фруктов. Спеша, вдыхая воздух, Михаил взбежал по лестничной клетке. Дверь ему открыла заплаканная Варя. В квартире пахло лекарствами, затхлым спёртым, душным запахом беды. Кремниев знал, как пахнет горе. Как пахнет несчастье. Знал, как пахнет сама смерть.

– Вы без «берушей»? – Отчего-то спросила Михаила Варя, хотя думала совсем о другом.

– Без них, – смутившись от такой заботливости, кивнул Михаил.

Варя провела его в маленькую соседнюю, затемнённую комнатку.

На разложенном диванчике, под ватным одеялом лежала ещё не старая женщина – Варина мама. Измученное болью лицо, покрытое капельками пота, сомкнутые губы. На лбу женщины лежала тряпочка, смоченная в холодной воде, её придерживал ручонками Саша.

– Мам, – позвала дочь.

Женщина с трудом приоткрыла глаза.

– Вот, Михаил, познакомься.

В глазах женщины блеснуло подобие любопытства, она даже попыталась улыбнуться. Но ей это не удалось. Лишь скривились сухие, тонкие губы. Бледное лицо сморщилось в гримасе боли.

«Как похожи их улыбки – подумал тогда Михаил. – Как жаль Варю... и её маму. И сына!»

– Её зовут Елена Сергеевна. – Пояснила Варя, поправляя одею на постели у больной.

Михаил протянул объёмный пакет Варе.

– Там фрукты и грибы. Опята.

– Опята?– произнесла Елена Сергеевна первое слово. Было понятно, как женщине с трудом дается каждый звук.– С удовольствием съем... грибочек. Мой бывший муж знатным был грибником.

– Почему был, мама. Он и сейчас есть. Где-то.

– Да, где-то, наверное, есть... Михаил, – Елена Сергеевна чуть приподняла голову. Варя и Сашка кинулись помогать. – Михаил, я слышала, вы любите читать книги?

– Люблю.

– Моя бабушка, как и мама, – библиотекарь, – похвастался Сашка.

– Архивариус, внук, архивариус, – прошептала больная.

– А какая разница, бабушка?

Больная лишь раскашлялась в ответ. И откинулась на подушку.

– Михаил,... Варя, – Елена Сергеевна снова заговорила с ещё большим трудом. – Я хочу, чтобы у вас всё получилось, а Саша... Михаил, Саша – хороший мальчик, послушный.

– Мама. У нас с Михаилом ничего нет. Ты о чём? – Щёки Вари зардели. Она подняла маме голову, поднесла ко рту лекарство. – И вообще, быть может, Михаил женат..

– Я холост, – ответил Кремниев.

Он посмотрел на неё, потом на Сашку, потом на Елену Сергеевну, такого тепла, что пробежало по его телу, он давно не ощущал. И опять же в груди защемило. Приятно.

– Вот и замечательно... – больная, задыхаясь, кивнула. Лекарство каплями текло по её шее. – Грибы... хочу... чуть-чуть бы...

– Сейчас,– засуетилась библиотекарьша.

– Я помогу,– вызвался Михаил.

– И я, можно? – подал голос Сашка.

Елена Сергеевна слабо кивнула. «Бедная!» – Подумал Михаил. Ему было жалко этого человека. Невыносимо, до слёз.

Михаил, Варя, Саша гуськом отправились на кухню. Мальчик тут же, предвещая вкусенькое, уселся за стол. Варя, еле сдерживая слёзы, мыла фрукты. Михаил протянул мальчику грушу.

– Давай, как следует познакомимся что ли? Дядя Миша. Держи грушу и пять.

– Александр. Будет груша. И десять!

– Тише, Саша. У дяди Миши большие уши.

– Ребёнок есть ребёнок, Варвара. Видите ли, я тоже прошёл через это: у меня мама тоже болела, потом у отца от горя не выдержало сердце. Поэтому я понимаю вас, но не надо отчаиваться. Так. Где у нас тарелочка? – Михаил продемонстрировал одну из баночек с опятами. Боюсь, что мои грибочки не совсем ещё просолились. Но, уверен – кушать их вполне можно.

Варя отнесла грибов маме. Та, как ни странно, съела сначала один, затем второй гриб...

Всё это время, пока Варя находилась с мамой, Михаил находился на кухне. Он оглядывал шторы на окнах, герани, преклонившие свои головки, чисто вымытые тарелки, расставленные на полке.

Через некоторое время вернулась Варя.

– Михаил, вы любите играть с детьми? – Вдруг спросила она его, подходя к столу.

– Не знаю. Наверное. – Пожал плечами он в ответ. – Как мама?

– Вроде уснула. Странно, она поела грибов. А от фруктов отказалась. Уж больно слаба! – Пояснила Варя. – Так вы любите играть с детьми? Или как?

– Дядя Миша. У меня есть така-а-ая машинка. Хотите покажу? – Глядя на молчаливо засмущавшегося мужчину, вынул Сашка.

– Хочу...

Бывший кузнец до позднего вечера прогостевал у Вари. А когда уходил, Сашка долго не отпускал его.

Ему снова снились кошмары: какой-то горбатый карлик-шут: очень коварный, очень неприятный и... очень несчаст-

ный, опять же старик с платиновыми волосами: грозный, мудрый и хитрый, женщина, по-видимому, дочь старика – огромные белые голуби – стража, чудовище... Кремниев проснулся от рези в ушных перепонках – за окном громыхал гром. Он нашарил на тумбочке упаковку с новыми «берушами» и уже собирался вскрыть её, как мужской, хриплый голос остановил его.

– Не надо. Потерпите.

– Кто здесь? – Михаил включил бра.

Не далеко от его кровати, в кресле, закинув ногу на ногу, в дорогом чёрном костюме, при чёрной шляпе, с сигарой во рту сидел средних лет мужчина.

– Потерпите... Михаил Евгеньевич, я знаю наизусть всю историю вашей ушной болезни, – форма разговора человека в шляпе была вежливой, но чувствовалась неискренность, притворство. За окном вновь громыхнуло, сверкнула молния, озарив комнату. Кремниев поморщился от боли.

– Господи. Всё-таки, могу я воспользоваться «берушами»? Я давно научился читать по губам.

Человек в шляпе, оглянувшись на зашторенное окно, оставался неумолимым:

– Дождь заканчивается. Ни к чему вам «беруши», Михаил Евгеньевич. Лучше скажите: вы слышите тиканье моих ручных часов?

– Что за нелепица, – Кремниев прикрыл веки. – Да, я слышу тиканье ваших ручных часов.

– Отлично. А ответьте-ка мне вот на такой вопрос: к примеру, по тональности вы сможете отличить один шелчок от другого? Вы может отличить ход стрелок моих «Ролексов»?

– Могу. Я слышу, как тикают ваши часы – это ходит секундная стрелка. Но я так же слышу, как передвигается минутная и... часовая. Кстати, сколько на ваших.. «Ролексах»?

– На моих... пять утра. Вы услышали, как минутная и секундная стрелка соединились?... Феноменально.

– Фух-х. Как вы всё-таки попали в мою квартиру? И кто вы такой?

– Не важно, как я попал к вам. Но, как вы поняли, к вам я могу попасть в любое время. И не один, – мужчина, который в шляпе, подал знак.

И только сейчас Кремниев заметил этакое амбала, тот вышел из тени. На нём был также дорогой чёрный костюм. Михаил заметил – что у амбала руки в наколках, улыбка наглая. Чистый садист и убийца! А тот, кто при шляпе и с сигарой, по всему видать, его бос.

– Я не курю и вам не советую, – обратился Кремниев к босу амбала. – И вообще, что вам от меня нужно, – сев на кровать, чётко, без всякого страха спросил бывший кузнец. Он уже прикидывал, как вырубить амбала.

– Не стоит делать глупостей, – словно прочитал его мысли, не переставая дымить, произнёс человек в шляпе. – И у меня, и у моего друга есть оружие. Вас банально пристрелить, Кремниев, что ли?

– Интересно – за что?

– Пока не за что. Но вот если вы откажетесь... Короче, перейдём к делу. Слушайте, завтра я вам позвоню, и мы едем, как ни странно, вскрывать сейф. Двадцать процентов от суммы – ваши.

– Я понял – вы бандиты. А если откажусь?

– Убьём. И не думаете сообщить в полицию!

– То есть?

– Подумайте лучше о библиотекарше Варе, о её маме, и о её ребёнке.

Мужчина, что в шляпе, резко поднялся с кресла и пустил дым в лицо Кремниеву. Затем бросил амбалу:

– Уходим.

Бандиты направились к выходу из квартиры. За окном снова ударил гром, засверкала молния.

– Хреновый вы прогнозист погоды! Как вас? – окликнул Михаил.

– Меня? Ах-да. Допустим, Семён Семёныч.. А его – Костолом. До встречи, Михаил Евгеньевич. Ха!

«Би! Би-и-и!» – Беспардонно зазывал за окнами чёрный джип, припарковавшийся недалеко от подъезда.

– Людей разбудите, – раздражённо проворчал Михаил, садясь в машину рядом с «допустим» Семён Семёнычем в той же неизменной шляпе и сигарой, дымящейся во рту. На замечание Михаила обернулся Костолом, сидящий за рулём:

– Никак нашему слухачу ушки потревожило!

– Добрый вечер, Михаил Евгеньевич. – издевательски-вежливо поприветствовал Кремниев «допустим» Семён Семёныч. – У вас в ушах нет «берушей», поэтому вы злитесь?

– «Беруши» у меня в кармане. А вы бы своей сигарой дымили поменьше. – Михаил злился на этих непрошенных гостей. Но осознавал, что выхода нет. Пока нет.

– Слышь, ты, – прошипел Костолом. – У нас тут не салон для некурящих.

– Да уж, не зарывайся, слухач. – Добавил «допустим» Семён Семёныч. – Трогай, Костолом!

Ехали минут десять. Остановились у элитного многоэтажного дома.

– Всё чисто, – заговорщицки прошептал небритый консьерж и впустил их в подъезд.

– Сигнализация? Камеры наблюдения? – спросил «допустим» Семён Семёныч. – бос, по-видимому и этого человека тоже. «Ну, и ну! – Подумалось Михаилу. – Сволочи!»

– Отключил. Но могут работать камеры наблюдения внутри квартиры.

– Понятно. Костолом, выдай слухачу его спецодежду.

Бандиты (за исключением консьержа) и Кремниев поднялись на второй этаж. Все трое были в перчатках и бакалаврах, на одном, кроме бакалавра, была ещё и шляпа. Да, и про сигару он не забыл – дымил. Железную дверь Костолом открыл в два счёта. Вошли в квартиру, включили свет. Квартира вызвала изумление у Михаила, она была евроремонтом и бо-

гатой обстановкой, на стенах висели картины, обрамлённые роскошными рамами.

– Ах, наводка, наводка, наводочка. Без тебя ни девчонок, ни водочки, – запел Костолом. Он приблизился к одной из картин:

– Она?

– Она самая, – ответил «допустим» Семён Семёныч. – Снимай.

Костолом с лёгкостью подхватил картину, за ней оказался, встроенный в стену, сейф.

– Михаил Евгеньевич, подойдёмте к сейфу. – Проговорил «допустим» Семён Семёныч. – Значит так, ваша задача: крутить вот это колёсико. Будет издаваться множество щелчков, вы должны выделить пять из них. Звук этих пяти щелчков будет отличаться от остальных. При каждом таком специфическом щелчке вы поворачиваете вот эту ручку. Повернёте пять раз и... ларец откроется.

– Гы-ы-ы, – оскалил челюсть Костолом, любуясь своим босом.

– Вы понимаете, что я этого никогда раньше не делал. – Попытался ещё раз возразить Михаил. Он – не вор, не разбойник. Грабить – не его занятие! Но Михаил волновался за Варю, Сашку, Елену Сергеевну. Он понимал – эти люди просто так не отвяжутся!

– У вас всё получится, тем более, что времени у нас до утра. Завались!

– Не ссы, туха.

– Михаил Евгеньевич, ну же, смелее. Вас ждут двадцать процентов, а это, поверьте, не мало. Повезёте свою Варю на море, ребёнка с собой возьмёте. Маме её поможете с лечением.

– Вы и это знаете. – Михаил подошёл к сейфу. Выхода не было...

– Нынче простуду без денег не вылечить, а тут – рак. Тем более, состояние Елены Сергеевны стабилизировалось – самое время лечить. Авось женщина выкарабкается.

У Михаила резануло по сердцу, он вспомнил свою мать, тоже умершую от рака.

– Чёрт с вами, – бывший кузнец взялся одной рукой за «колёсико», другой за «ручку».

Вдруг ударил гром, да так, что задрожали стеклопакеты, по стеклу и подоконникам забарабанил дождь.

– А-а! – взвыл Михаил от боли в ушах. И тут он с дикой, непонятной ему доселе силой не захотел слышать гром. «Лучше смерть, не хочу его слышать! Не хочу!» – возопил он мысленно. И гром словно исчез, отдалился от Михаила, для Кремниева настала тишина. – А «беруши»-то мне нынче не нужны, – весело промолвил бывший кузнец.

– Что он бормочет? – обратился «допустим» Семён Семёныч к Костолому.

– Не разобрал, бос, – виновато развёл руки амбал.

Бывший кузнец, Михаил Кремниев понял: отныне он может управлять своим слухом, то есть, если он что-то не захочет услышать – он этого не услышит.

– Помолчите, – сказал он бандитам. Весь он, его чутьё было устремлёно к колёсику, дабы уловить «специфические» щелчки.

10

Амбал нервно прохаживался по квартире, «допустим» Семён Семёнович держал руку в кармане, грозя Михаилу выстрелом, если что! Наконец Михаил услышал нужные щелчки – сейф открылся. В железной нише стопой лежали пачки денег, в основном валюта.

– Ну, что, Михаил Евгеньевич, как настроение? Нравятся книжечки? – «Допустим» Семён Семёныч торжествовал. – Костолом, укладывай улов. Кремниев отошёл от сейфа, его место занял амбал. Урча, тот начал тоже смахивать пачки денег в обычный продуктовый пакет. «В шляпе» вплотную приблизился к новоиспечённому медвежатнику, его лицо пообделало, он даже не дымил.

– Миша, я не ошибся в тебе. Эх, теперь мы с тобой таких дел наворочаем. Ты будешь богат, Ми-ша!

Кремниев никак не реагировал, но внутри его всё клокотало: «Врезать этому с правой. А потом. Что потом?» Перед глазами проносились предполагаемые картинка драки, а затем лица: Вари, Саши, Елены Сергеевны.

– Закончил, Костолом?

– Ага, – амбал встряхнул полнёхонький пакет.

– Лады. В машину. Костолом, пришли пакет, чего вцепился?

– Я не вцепился. Отличный улов, бос.

– Всё. Уходим.

Они стянули бакалавры. Костолом завёл мотор джипа. «Допустим Семён Семёныч» «настроил» на своей (кстати плешивой) голове шляпу, после протянул Кремниеву несколько зелёных пачек.

– Твоя доля, слухач. Слухач. Хорошая кличка, Костолом?

– Нормалёк кличка, бос.

Джип рванул по улицам города. «Допустим» Семён Семёныч бросил пачки на колени бывшего кузнеца.

– Заработал, слухач. Честно заработал, – он вставил в рот новую сигару, сверкнул зажигалкой.

– Я знаю, что такое настоящая работа, – ответил Михаил. – А воровство я работой не считаю. Это криминал. И тюрьма.

– Да что ты говоришь, товарищ бывший кузнец? Ха, кузнец. Ку-у-узне-е-ец, – проблеял в шляпе и выпустил дым в лицо Михаилу.

И тут Кремниев сделал то, что давно хотел – он врезал «допустим» Семён Семёнычу – босу, человеку в шляпе в челюсть. С правой, как и хотел. У бандита расплющилась сигара на окровавленной морде.

– Не понял, – дал по тормозам Костолом. В его руке блеснул воронённый «ствол». Слава богу, он не догадался заблокировать двери машины.

Михаил вывалился из джипа на мокрый, грязный асфальт. Там, где они остановились, было светло – светились фонари.

Дождь продолжал лить. Михаил откатился от машины, амбал выскочил из джипа.

– Ах! Ты, падла! Да я тебя...

Кремниев двинулся на амбала, Михаилу терять было нечего, он не собирался плясать под дудку этой банды. Он не вор! И с ворами якшаться не собирался! Никогда! Затем Михаил подсёк и повалил амбала. Завязалась борьба, Михаил чувствовал, что у него руки в грязи, что он, его тело где-то в тёмной луже. Но вдруг раздался выстрел, за ним ещё... Последнее, что Михаил услышал – вой сирены полицейской машины. Оглушительный и справедливый!

11

Из темноты выплыл старик с волосами платинового цвета, на лбу – рубин, постоянно меняющий оттенок. Сердитое лицо старика словно притягивало, звало. Но Михаил знал: сердитый старик на самом деле – не злой. Он иной. Он, как друг...

– Не устал лежать? – спросил старик, глядя вопрошающе.

– Я устал жить, – непонятно зачем ответил Михаил.

– Небось, какого-нибудь голубого туннеля ждёшь, или света, направленного сверху, – как от прожектора. Слышал про такие штучки? – усмехнулся старик.

– Слышал. Врать не буду – жду.

– Сильно этого хочешь?

– ...Хочу.

И тут сердитое лицо старика стало почти гневным, а его глаза потемнели. «Тот тебе! Кукиш!» Старик так сжал пальцы, что те посинели..

– Во-о! – Заорал, плюясь, старик снова. – Во-о!!!

От этого крика у бывшего кузнеца снова заложило уши, но тут он вспомнил, что может управлять слухом, Михаил напрягся и вот это самое «Во-о!!!» превратилось в немоту, лишь шевелились губы старика, прячущиеся в платиновой бороде. Бывший кузнец улыбнулся своей шутке и услышал другие слова: «Он приходит в себя.» Старик словно испарился.

– Больной, вы меня слышите? – позвали Кремниева.

– Конечно, – ответил Михаил и открыл глаза.

Над ним склонился врач: молодой, лощённый, уверенный на двести процентов в себе.

– Оживаем?

Михаил попытался сесть, тело его не слушалось.

– Лежать, – спокойно остановил его попытки молодой врач. – Валя!

– Здесь я, – откликнулась медсестра, тоже молодая, и тоже ухоженная, и тоже уверенная в себе.

– Переводим в общую палату.

– Подождите, доктор. Я долго... спал? – Михаил сощурился, понимая, что ещё слаб.

– Вы были в коме две недели. Валя, в общую. – Доктор потёр руки. – Да, разрешаю приём посетителей.

Врач ушёл, а молодая, ухоженная медсестра без слов, деловито принялась освобождать Михаила от трубок и проводов. А затем явились весёлые санитары с каталкой. Далее – лифт. И вот уже Кремниев в общей палате, где кроме него ещё двое мужчин, и он – третий. Койка, стул, тумбочка, стакан, ложка – всё как положено.

– Спасибо, ребята. – Михаил поблагодарил санитаров после того, как те помогли ему перебраться на койку.

Через пару минут в палату вбежала Варя. Её лицо было полно тревоги, такое милое лицо... И только теперь он осознал – живой.

– Ну, ты это, что ты?

Варя без конца целовала его: в небритые щёки, в сухие губы, в мокрые глаза, она целовала его руки.

– Ты это, что ты, – мямлил он, растерянный.

Она плакала.

– Их арестовали, Мишенька. А мама моя поправилась.

– О! – Михаил вытаращил глаза.

– И вся её палата. И весь этаж онкологии. Грибы твои поели. – Добавила Варя.

– Грибы? Как это? Как? – Он взял женщину за руку. Ладошка была тёплой. И родной.

согласись. Короче, хозяин, я прошу руки твоей дочери. А Чуду-юду в пепел.

– Горбуша, ты просишь руки моей дочери? Уймись. – Хотел старик.

– Отец! Отец! – Звала старика его дочь.

– Ой! Горбуша! – Не реагировал тот, – Ой, ну рассмешил, так рассмешил!

– У тебя есть внук, отец! Маленький мальчик. Мы боялись признаться...

Возникла тишина. Внезапная, прямо-таки мёртвая. Горбун словно стал ещё горбатей, ещё меньше ростиком. Голуби бесшумно отступили как можно дальше. Старик прикрыл веки.

– Уйди, дочь моя. – Наконец он сказал еле слышно.

– Отец...

– Мне надо подумать.

– Но... – молодая женщина с тревогой смотрела то на старика, то на Чуду-юду.

– Иди, не бойся, я его не трону. Стража! И вы идите.

Дочь покорила отцу, она покинула помещение, и куда-то тяжело взмахнув крыльями, улетели огромные белые голуби, и, уткнувшись в кулачки, заплакал горбатый карлик. А Чуду-юдо, стоя на одном колене, смотрел алыми глазами куда-то вдаль.

– Не плачь, горбуша, будет и у тебя счастье, – вдруг пожалел слугу старик. – Открой-ка вот эти. – Он указал посохом на пару штор.

Шмыгая носом, карлик подошёл к шторам, дёрнул за верёвочку, белые массивные шторы раздвинулись. Вспыхнул большой экран и на нём возник город людей. Рыжим солнышком сверкал солнечный воскресный денёк ранней осени. Вот появился городской парк, по парку гуляли люди, и среди них гуляла счастливая тройца: молодая женщина, мужчина и между ними мальчик, он пинал жёлтые листья. Вот – они крупным планом, все трое крепко держатся за руки.

– Горбуша, – позвал старик и вроде как ласково. – Принеси-ка мне посох под номером тридцать три.

– Это же посох, возвращающий человеческое обличье, – вытянул лицо скоморох.

– А я не знаю, да?

– Хозяин! – Горбун заревел навзрыд.

– Цыц! Неси.

Горбун, притихнув, покорно отправился за требуемым посохом.

А Чуду-юдо вздохнуло так, как будто его, ещё не успевшего задохнуться, только что вытащили из петли. Затем оно упало на второе колено и низко склонило уродливую голову.

– Прости меня за всё. – Вымолвило чудовище и тихо добавило. – Мой господин.

Старик, довольно ухмыльнувшись, спрятал за кресло чёрный посох под номером тринадцать и принял белый посох под номером тридцать три от утирающего слёзы карлика.

13

...И вот Михаил на работе, той, что предложил ему Пыхаев.

– Сергей Петрович, ваш голос мешает мне. Я выйду на связь сам. – Сказал Кремниев, прислушиваясь к тому, что происходило вокруг. Казалось бы, что это просто тишина, оттого что людей вывели, станция была пуста ввиду чрезвычайных обстоятельств... На самом деле – это было спецзадание, очень важное и ответственное!

Кремниев одну, за одной, не спеша, со всех сторон осматривал колонны, отделанные мрамором. Его целью было – обнаружить «ретро» – таким названием в ФСБ обзывали бомбы с механическим механизмом – это он собирался сделать при помощи одного-единственного прибора, собственного слуха. Михаил уже уловил характерное тиканье, но ещё не мог понять: откуда точно оно исходит. Пятая колонна, шестая... Нашёл!

Обычная спортивная сумка тихо, мирно лежала у одной из колонн. Может быть, в ней среди прочих безобидных вещей

находился механический будильник, а, может, таким будильником была снабжена бомба. Как говорится, вскрытие покажет. Ах, ты, адова машина!

Бывший кузнец одёрнул на себе бронежилет (тяжёлый, усиленный), поправил на голове каску, стекло которой немного запотело. Ох, как он не любил обряджаться во всё это. Но надо! Михаил знал – безопасность прежде всего! Он положил рядом с сумкой электронный маячок (для робота) и с победным спокойствием произнёс в передатчик:

– Обнаружил. Спортивная сумка. Маячок оставил.

– Ф-фуххх!– С облегчением вздохнул Польшаев. – Хорошо. Возвращайся, Миша.

– Возвращаюсь.

Встречали его тепло, а Польшаев даже обнял.

– Как всегда – отличная работа, Миша.

– Спасибо, Сергей Петрович. Спасибо. – Кремниев не успевал пожимать руки людям в штатском и в военной форме. Они помогли ему снять каску и бронежилет. Вернули телефон. А он не заставил себя ждать – набрал знакомый номер:

– Алло!

– Миша, ты в порядке?

– Что со мной может случиться, Варя?

– Когда домой?

– Сейчас еду в аэропорт.

– С тобой Саша хочет поговорить.

– Привет, старшенький.

– Я ещё не старшенький, потому что мама ещё не родила.

– Родит, куда денется.

– Папа, прилетай скорей.

– Через пару часов буду дома, сынок.

– Да, ты мне обещал купить игру.

– Ах-ты, хитрец. Хорошо!

Убрав телефон, Кремниев обратился к своему начальнику:

– Сергей Петрович, кто-нибудь подбросит меня до аэропорта?

– О чём речь, Миша. Капитан, переходишь в распоряжение Михаила Евгеньевича.

Находясь в машине, бывший кузнец задремал. Ему пригрезилась странная свадьба: во главе длинного стола с многочисленными гостями сидели молодая женщина и примерно его лет мужчина. Женщину он узнал (запомнил по кошмарам), жених был ему незнаком. Среди трапезников выделялся могучий старик, он то и дело всхлипывал: «Горько!» На коленях старика баловался мальчик, накручивая на пальцы платиновые волосы деда. А, вообще, свадьба казалась весёлой – вёл её горбатый карлик

Урожай Кормедебельского сада

СВЕТЛАНА ВАСИЛЕНКО
(Средняя Ахтуба – Капустин Яр)

ЦЫГАНСКАЯ МАДОННА

Звеня монистами
В пыльный автобус
На остановке «Средняя Ахтуба»
Входит моё стихотворение –
Молодая цыганка с тремя цыганятами.
Идёт прямо ко мне,
Сажает двух цыганят на свободное место,
Одного – ко мне на колени:
Он засыпает в ту же секунду.
Спрашиваю, как его зовут.
Мальчика зовут Рустам.
Ему пять лет. Рядом сидит
4-летняя Патрония – Патриша.
Самый маленький – Андрей,
Но есть ещё одна дочь,
Она осталась дома. Назвали её
по-цыгански Роксана.
Саму же цыганку зовут
Мария.
Едут в Ахтубинск от матери к мужу.
Выдержал без неё один день.
Говорит, гордясь, что
Муж очень красивый –
Высокий и стройный,
Волос у него светлый,
Глаза – серые,

Как и у его отца, тоже цыгана.
 Марии 27 лет.
 А просватали её в 16.
 А сватали так:
 Пришла свекровь в дом,
 Попросила воды,
 И долго-долго пила –
 Полдня –
 Разглядывала её,
 Марию.
 Забрали её из Средней Ахтубы в Ахтубинск.
 За сто километров,
 В другой табор.
 Мужа до свадьбы не видела.
 На вопрос любит ли мужа,
 Уклончиво отвечает,
 Что отдали её замуж слишком рано.
 Что живут в сырой землянке,
 Рядом с Волгой –
 Там, где Волга встречается с Ахтубой,
 В Петропавловске,
 У стрелки.
 Муж торгует на рынке.
 – Чем?
 Опять уклончиво:
 – Да так. Когда чем. Барахлом.
 Мария очень красива:
 Большие чёрные глаза,
 Точёный нос, розовые губы.
 – А конь? Есть ли у вас конь? –
 Спрашиваю я.
 Нет, коня у него нет.
 Коней теперь у цыган нет.
 Табор теперь не кочует,
 Живут на одном месте.
 Мы смотрим с ней в окно

На бесконечную степь.
 И я рассказываю ей
 Про Индию, о Раджистане,
 Где я побывала три года назад,
 И оттуда когда-то давно
 Огромным табором пришли
 Цыгане.
 Она зачарованно слушает,
 Как сказку.
 О персидском шахе Надире,
 Который завоевал Раджистан
 И выгнал цыган из Индии,
 О несметных сокровищах Индии –
 Золоте, драгоценных камнях
 (Мария спрашивает о ценах.
 И радостно смеётся, узнав, что
 Жемчуг там отдают совсем даром),
 О белоснежном дворце Тажд-Махале,
 О шёлковых коврах, священных коровах.
 Верблюдах, индуистских храмах...
 Об индийских песнях и танцах,
 Откуда пошли и цыганские песни и танцы.
 – А ваши песни и танцы? – спрашиваю я. –
 Вы их сохранили?
 – Да, на праздниках мы поём и танцуем.
 – А какие праздники у цыган остались? –
 Спрашиваю я.
 – О, много! – Говорит Мария и перечисляет,
 Загибая пальцы: – Рождество –
 Самый большой цыганский праздник.
 Потом – Пасха. Троица – тоже очень
 Большой праздник у цыган...
 – Так это же праздники православные, –
 Говорю я, – русские!
 – Да, русские тоже празднуют, – важно говорит Мария,
 Но сам Христос был цыганом...

– Цыганом? – Спрашиваю я удивлённо.
– А ты не знала? – Гордо говорит Мария. –
Он и родился, как самый настоящий цыган, –
в чистом поле, под цыганской звездой.
Потом со святыми апостолами по всему свету
Табором ходил, чудеса творил,
Всё, что сбудется знал, как цыгане знают.
И убили его злые люди, как цыган убивают, –
Ни за что... Но он на третий день воскрес!
И мать его звали так же, как меня, Мария...
Я не спору.
Выхожу на остановке «Капустин Яр»,
У базара, где меня встречает мама.
Автобус трогается.
В окно на меня строго,
Словно с иконы,
Держа на руках сына,
Смотрит Мария.

ЮЛИЯ БЕЛОХВОСТОВА

(Москва)

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В РИМ

А с утра пораньше – попробуй глаза протри,
ни звезды на небе, ни солнечной полосы,
только-только в шестёрку стрелки воткнул часы,
и уже с порога дороги уводят в Рим.

И бульвар, сусально вызолоченный листвой,
и тропинки, вытопанные через газон...
Это, видимо, перелётный настал сезон,
даже птичьи следы, царапнув по мостовой.

даже в лужах луну сменившие фонари
и дорожки от них, дрожащие на ветру,
и ходы жуков, прогрызенные в кору,
все дороги ведут из нашего в первый Рим.

Так из дома выйдешь утром в туман и хмарь,
может, мусор выбросить, может, выгулять пса,
а под ноги ложится взлётная полоса,
и на Виа дель Корса луной сияет фонарь.

АНДРЕЙ КОРОВИН

(Москва)

ПАМЯТИ ЛЬВА БОЛДОВА

В Коктебеле мы сойдёмся снова...

пожевав унылых бутербродов
музыка выходит из кафе
выпьем что ли Лёва
Лёва Болдов
за любовь к прирученной строфе

нам в московском небе нет спасенья
нам для веры нужен вечный Крым
пусть сегодня будет воскресенье
смоем наш столичный грустный грим

здесь пред Богом под его перстами
мир лежит как в юности нагой
всё что раньше в жизни было с нами
не играет роли никакой

и пойдём прихлебывая граппу
ялтинских курортников пугать
кончатся финансы бросим шляпу
будем им свои стихи читать

обнимая крепкие платаны
девушкам нашёптывая стих
мы с тобой приморские жиганы
делим Крым по-братски на двоих

в прокопчённом солнцем Коктебеле
мы с тобою встретимся опять
и пускай все рифмы облетели
мы пойдём над звёздами гулять

ПО ДОРОГЕ В МОСКВУ

горит трава на склонах марта
не тает в подмосковье снег
и глядя в окна словно в карты
мы ищем позапрошлый век

залипла кошка на балконе
сидит глаза не отвести
опять весна в микрорайоне
скворчит с восьми и до шести

торчат расхристанные ёлки
среди кладбищенских оград
и лёд раскалывая колкий
идёт своей дорогой март

ЖИЗНЕУТВЕРЖДЕНИЕ

ты уверен что жизнь по тебе
и что где-то на кромке прибора
при умеренно малой ходьбе
ты увидишь такое
такое

сердолика закатного глаз
янтаря набежавшую пенку
жизнь когда это здесь и сейчас
а не завтра не вместо
не в стенку

всё твоё достаётся тебе
не твоё тебе нет не досталось
так играй на судьбе на трубе
на траве
что под нами слежалась

ты по кромке прибоя идёшь
ты сжимаешь находки в ладони
жизнь полна когда ею живёшь
бесконечно
бессрочно
бездонно

СЕРЕДИНА ЛЕТА

жара осыпаясь по лесу
песчаной дорожкой бредёт
зашёл сюда для интересу
гляжу земляника растёт

кукуют кукушкины слёзки
маслята под ёлкой снуют
флиртуют со мною берёзки
знать за своего признают

вдали извиваясь картинно
блестит серебрится Ока
да в небе знакомом рутинно
ползут и ползут облака

СУДЬБА ВОДОМЕРКИ

водомерка бродит на болоте
водомерке в море не тонуть
водомерка всюду на работе
совершает свой гражданский путь

мерить воду та ещё работа
ни рабочих дней ни выходных
водомерке на Оку охота
повидать знакомых и родных

а её забросила судьбина
в дальние гнилые рукава
под ногами путается тина
как судьба бывает не права

но бывает у реки гулянка
лихо полноводное весной
пусть вода затопит все делянки
и она получит выходной

только вот хватило бы дышалки
добежать разливом до Оки
пусть хохочут глупые русалки
водомерка сможет
вопреки

ЯРОСЛАВ КАУРОВ

(Нижний Новгород)

В пальто, поношенном несильно,
под дождь, переходящий в снег,
в потёртом кепи набок,
стильно,
идёт свободный человек:
и чёрствый хлеб ему не горек,
сладка и чистая вода,
идёт философ и историк,
и даже лирик иногда.
В кафе возьмёт он чашку кофе
и, сев вальяжно, как всегда,
подставит благородный профиль
лорнированью пьяных дам.
Ах, я запомнил, видно,
представиться, мои друзья,
мне, право же, ужасно стыдно,
в пальто прогуливаюсь я.
В кафе сидишь, как на витрине,
и за сверкающим стеклом
любуйся, как город стынет,
как будто время истекло,
как будто сумерки навечно
и остаётся доживать,
и эту нежную беспечность
горячим кофе продлевать.
Огни сверкают на Покровке,

и ветер ледяной с реки!
И девушки наизготовку
ему подставили пупки.
Но если ты пройдёшь два шага,
заглянешь в тёмные дворы –
как кухня в старенькой общаге,
как мрак космической дыры,
изнанка города большого –
кварталы мусорных бачков,
что пополняет снова, снова
толпа богатых дурачков.
И я ценю, ценю до боли
то, что понять не в силах ты –
свободную, как ветер, волю
провинциальной нищеты.
Оценит благородный стоик
и подтвердит учёный муж –
и экзистенцию помоек,
и трансцендентность грязных луж.
А тот, кто ищет в бездне вкуса
из каучука Афродит,
перерабатывает мусор
и мусор денежный плодит.
Повсюду стройка с перестройкой,
вокруг обломки старых парт
и, брошенные на помойку,
Катулл, Овидий и Декарт.
И в этом странная доступность
для тех, кто любит и хранит,
всего, что брошено преступно
и что вовек не оценить.
Доступность смеха и покоя,
доступность гаснущих небес,
доступность охладить строкою
тот мир, который вдруг исчез...
Наш мир – не тяжкие вериги,

дающиеся за грехи,
а восхитительные книги
и вдохновенные стихи.

Как бесконечен этот спор,
Ведущийся по воле рока,
И кто подпишет приговор,
Мы, Азия или Европа?
Как колоколу верный тон
Дает металлов многих слава,
Из всех народов и племен
Россия оказалась сплавом.
И Украина, и Кавказ,
Камчатка и Байкала чаша –
Все это воплотилось в нас,
Все это мы, все это наше!
Жестоких много в ней забав,
Но только здесь живется вольно.
Россия – драгоценный сплав
Для чистых звонов колокольных.

Как сердце разорвать на части,
Как руку отрубить свою,
Безумно также ради власти
Разрушить дружную семью!
Нельзя от века и донине,
Помилуй, Боже, и спаси,
России жить без Украины
И Украине без Руси!
Сбываются, как в страшной сказке,
Адольфа Гитлера мечты,
И тут же сбрасывают маски
Гаранты лжи и клеветы!

Где ваши милые улыбки,
Благодарный мягкий тон?
Где демократий голос зыбкий?
Где роль продажная ООН?
Оскалы, окрики, угрозы!
Из Франции, из США!
Поляков вычурные позы!
Ганзейцев наглые слова!
Нас разорвать не удастся?
Не верите? Докажем вновь!
Во мне самом на четверть льется
Малороссийских предков кровь!
Не злите нас! Побойтесь Бога!
Святых не трогайте границ!
На свете есть еще немного,
Не взятых русскими столиц!

ТАТЬЯНА ЧУРУС

(Москва)

Мне бы русалкой раскосою,
простоволосою
Вплыть в твои стихи.
Безмолвною
Закачаться на чёрточках –
Строчках –
Волнах,
Просочиться в междустрочье –
Междуречье,
Мигнуть
И, лукавой, растечься
Многоточьем...
Молчи... Стихи...
Подчинить дыханье их,
Биенье их – и
Заструиться, зажурчать
И плескаться
Иль хороводы водить
В тихой заводи
Стихотворенья –
Заплачут плачем
Строчки из книг...
Тихо пальчиком коснуться –
Косы расплести рифм,
Спутать, сбить их с толку,
с пути,

Закрутить –
Женские, мужские –
И тотчас некие единства
иные
Закивают головками в ответ,
Сотворятся, пустятся в пляс,
Оборотясь
Чем-то третьим...
Лишь пальчиком коснуться...
Иль хвостом разбить
Оковы рифм...
Молчи... Стихи...
Хитрою
Полудевой-полурыбой,
Обнажённой и пьяной,
Ввергнуться в пучину –
Круговерть
Анжамбеманов –
Обманов –
Попробуй такую зарифмуй
Влажную дланью –
Вмиг потечёт по жилам
Длани-руки,
Скачущей хориямбом...
Молчи... Стихи... Стихли...
Лишенько-лихо...
Иного рыбака ищи,
Что лишь начал ещё
Плести
Свои
Сети...

Уж блудила-то я, и блуждала-то я,
Д' всё по пустырям, по оврагам, по околицам,
А уж что башмаками железными
Мостовую лупила, громкою поступью
Люд честной буживала, д' ишшо посохом постукивала,
Д' об земь челом била, в колпак железный обряженным.
Ан нейдет стих суженый, морду, ишь, отворачивает!

Уж я ль, да не прельщала его, в сети не заманивала?
Сережками из злата-серебра, одеждками-уборами пышными,
Пирогамы-коврижками сдобными, бражкой пьяною?
Речами сладкими, песнями летящими,
Очами томными, персями, что огонь, горящими?

Уж я ль не просила его,
Уж я ль не молила его, свою желанного?
Ты прилетай, ясный сокол мой,
Коснись моей руки своим перышком,
Д' чтоб слова проступили скрозь кожу, словно кровь,
Д' полились красными строками...

А и так голосила в три голоса:
Нешто разлюбил свою кралечку?
Аль забыл, как ласкал мой слух рифмами складными,
Как услаждал мой взор стройными строфами?
А ему хоть бы хны: залепил воском ушеньки...

А Муза Иванна, плутовка ты бесстыжая,
Подбоченясь по-бабьи, похохатывала,
Д' семечки лузгала, шелуху, знай, сплевывала,
Утирая роток краешком фартука,
Д' пузо чреватое поглаживала...

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА

(Нижний Новгород)

ИЕРУСАЛИМСКАЯ ПЕСНЯ

О, как Вам там, где мир был сотворён?
Вам, изначальноным, как глубокий сон!
Вам, изначальноным, как полдневный стон!
Вам, изначальноным, где текут века
песком сквозь пальцы, как сквозь лист, строка?
Вам, у истоков заповедей всех,
познавшим сладкий, что коврига, грех?
Вам, созданным из плоти налитой
после светил и тверди в день шестой?
Что райский сад,
как Гефсиманский сад
своей великой правдою объят.
Долина Кердон там, в тени олив –
что кожи срыв, что кинуться в обрыв,
о, Гефсимания! Твоя иная власть,
о, как возвыситься здесь можно, как упасть!
За тридцать сребреников – кожу рвут – предать,
и с головой с неведомую гладь...
О, как мне больно, горестно вдвойне,
уста жжёт поцелуй Иуды, мне!
Мне кожу рвёт – ладонь полна монет,
сквозь тень олив протянут Белый свет,
вплетён Марии Магдалины гребешок.
И вечер был. И утро. И ещё
какой-то между временем просвет,
и мы, как дети те, которых нет!

Мы – тень глагольной рифмы и олив,
 нам всем туда, где линии обрыв,
 где из разодранной гортани, звук – игрив,
 то ли свирель, иль дудочка, иль горн.
 Сад масленичный – он со всех сторон,
 и он течёт сквозь пальцы много лет,
 как сквозь песок весь этот Белый свет.
 ...Россия ждёт. И вся планета ждёт,
 когда куплю билет на перелёт,
 там на базаре, где в толпе столиц,
 ты – музыкант-мальчишка худолиц,
 ты – попрошайка, камень сторожишь,
 ты – слеп, ты – грозен, тих, как будтомышь,
 ты изначален, как изгибы крыш,
 ты тоже на устах моих горишь!
 Разодрана гортань у мира вся,
 не докричаться! Сломана слеза...
 А далее, как дым, в тени олив,
 остался шаг – поберегись! Обрыв!

– О, надо же! – Иссохшими губами
 шепчу тебе библейскими словами:
 – Спасибо, милый, то, что бросил камень,
 и по нему вся жизнь моя стекает!
 И, сделав круг, к тебе спешит опять:
 – О, брось меня, как зёрнышко, возрастать,
 о, брось меня, как небо всё – светать!

Я через высь стремлю к тебе «спасибо»!
 За то, что ты меня когда-то выбрал
 из всей толпы, страны, из всех галактик,
 из всех вулканов, где чадящий кратер!
 Из всех частиц, искрящихся молекул,
 что мимо не прошёл и не проехал,
 за нежность – за твою и за мою!

И за икону ту, где Матерь Божья!
 Я на коленях – скошена – стою!
 И город весь в меня втеснён, заморожен,
 и свет скользит по лицам, окнам, ликам!
 Ты царь один – по отчеству Великий,
 на все просторы Азии крещён!

Изрёк: «Пройдёт и это!» – Соломон,
 на камне том, что бросил ты в меня,
 есть та же надпись в форме бытия,
 на статуэтках из песка и глины,
 на деревянных куполах рябины
 в осенних блёсках жёлтого огня!

Ты бросил камень?
 Нет, вплеснул в меня!
 Он занял место, где душа – по краю!
 Откуда боль, как весь закат, стекает.
 Вниз по тропе, за полем – все поля,
 за сном – все сны, они тебя спалят,
 как сфинкс, который крыльями низложен,
 как Азии дворцы, царёва ложа.
 Минует время – час, неделя, год.
 Лжёт Соломон о том, что
 «Всё пройдет...»

Так, напевчик лёгкий, ни о чём...
 Я хотела Музой стать твоею –
 сквозь тебя вся жизнь моя пройдёт,
 как сквозь небо вся Гиперборея.

Я хотела – горлом через край,
 лебединой песней, чтоб той самой,
 в день один с тобою умирать,
 в век один, чтоб быть Прекрасной Дамой.

Кантри, блюз, фламенко – у черты...
Говоришь, давно, мол, пала Троя.
Я её нашла. От красоты
каменных дворцов мне нет покоя.

Сквозь неё вся музыка пройдёт
та, что сквозь тебя проходит тоже.
Это – плод фантазии. Да, плод,
но такой, что жаркой стала кожа.

С плеч долой – цветастый мой платок,
поцелуй вместо слов о вечном.
Я, как Троя пала возле ног,
музыку твою очеловечив!

На картинке, погляди, руин
пять пластов, а дальше камень рдеет.
Песня не идёт уже – горит
между Троей и Гипербореей.

Пусть другие говорят, что связь
этих мифов древних лишь условна:
музыка взяла и родилась,
разомлевшее снедая лоно!

Гроздья винограда там и тут,
поздно или рано – жизнь по краю!
«Знаешь, – позвонил ты, – что идут
песни все из сердца?»
«Да, я знаю!»

Колонка главного редактора

...ПЕЧАЛЯСЬ РИФМОЮ ГЛАГОЛЬНОЙ. ЭССЕ.

1.

Великий Шёлковый путь у каждого свой. Он может протекать по границе жаркой, предзакатной Азии, тутовой, метельной Сибири, а ещё по морю, реке, болотистому притоку, когда, раздвигая камыши, плывёшь на утлой лодочке, распугивая крикливых, боязливых уток. А сама кутаешься в холщовую, промокшую ветровку, вдыхая туман, словно возвращаешься куда-то или покидаешь кого-то. И словно времени нет, и не было, а лишь этот погожий, безветренный, промозглый, бессолнечный миг. И никого не оставила, не покинула, но всё равно все брошены, и никого не ждёшь, но сердце колотится так, словно вот-вот кого-то встретишь. Желанный! Шелкопрядный!

Причливаешь. Навёртываешь верёвку на колышек, брякаешь замком, смыкая цепь. По воде, по суше, по пустыне – неважно, но это твой Великий Шёлковый путь. Каменистый, мраморный, лесостепной, ледовый – но всё равно шёлковый. Маленький, невзрачный, однообразный, не блестящий роскошью, дорогими иномарками, высокими домами, заводами, а лишь с горсточку, с чайную ложечку, но всё равно Великий. Значительный. Он полон благоденствия. Он невзрачен снаружи, но лучезарен, ослепителен изнутри.

И не кончается никогда этот путь, он вечен, он кругосветен. Он алчен и бескорыстен. Он горестен и безмерно, до дрожи ошастливлен. Он благословен и проклят. Ибо всегда будут идти навьюченные поклажей верблюды, доставляя персидские ручной работы узорчатые, неботканые ковры к берегам Персидского залива. И никакая война не может помешать, никакие распри, никакие разряды молний, землетрясения, извержения вулканов, цунами, торнадо, космические воронки – этому медленному гордому передвижению отсюда сюда и обратно, по привычному вековому маршруту. До рыдания! До воплей! Ибо знай, отправляясь в путь, что ты несёшь в себе великие истины вращения земли. Ибо ты ищешь Знак равноденствия, вглядываясь в бесконечную, лунную, песчаную даль. Это словно на дне воронки искать звезду, утонувшую в реке. И только один из нас дойдёт, поймает золотую рыбку, чтобы загадать три заветных желания. Остальные будут долго, тягуче завидовать ему, делая вид, что восхищаются, а сами начнут втаптывать в жирную, маслянистую грязь, сплетничать между собой, оплёвывать и клеветать. Не успеешь за-

красить вымазанные дёгтем ворота, к утру вновь появится точно такая же надпись.. Ибо нельзя быть удачливым в литературе, оттого что ты утрачиваешь связь с теми, кто менее продвинул, признан.

А верблюды идут и идут, гордо покачивая на своих боках тяжёлые вьюки, трипичные атласные мешки, набитые орехами, зерном, бутылками с маслом. Маленький мальчик-погонщик слегка посвистывает, его глаза лучатся от неистребимого, несбыточного счастья. Он не знает, что избранный, он не ведаёт, что Знак равноденствия – это миг удачи. Три овечки отбились от стада, и мальчик-погонщик подзывает собаку – тощую, худую, неизвестной породы, приказывая:

– Эй, Зевс, ну-ка догони вон тех. Ну-ка, быстрее! Ля-я-я...

Караван безнадёжно нетороплив, Зевс пригоняет овечек, мальчик-погонщик машет хлыстом, взметая песок, но никто его не боится, оттого что все боятся другого – забвения. Остальное не вызывает эмоций. Даже рвущиеся недалеко снаряды. Даже свист пуль. Ибо погибнуть, как герой, от оружия врага – это честь. Это признание. Это звёздный миг. Мир всегда находится в состоянии войны. За власть. Богатство. Престиж. Мир – это неоконченная война. Это начало сражения.

Зевс поднял морду, взвыл. Снаряд упал совсем рядом, образуя дымящуюся, улиткообразную воронку. Овечки в испуге прижались друг к другу. Их взяли на всякий случай, вдруг в Бухаре не будет еды. А надо будет кормить, сопровождающих караван четырёх торговцев, мальчика-погонщика, надо будет купить молока, сыра, запастись персиками, сухофруктами, потому что до места ещё тысячи и тысячи километров. Войну всегда развязывают американцы, сваливая свою агрессивность на всех остальных. Они проводят свою жизнь, подглядывая и подслушивая, следя, выискивая, выпрашивая, списывая, выкрадывая изобретения, покупая лучших, умных, талантливых. Мы – не сгодились на эксперимент, наш мозг слишком насыщен глубокими, выщербленными временем извилинами. Мы можем лишь совершать свой Великий Шёлковый путь.

– Ой, – мальчик-погонщик отскочил в сторону.

– Ничего. Это не в нас. – громко крикнул один из торговцев. У него были розовые щёки, как только он не прикрывал лицо, но кожа всё равно обветрилась на солнце.

– А в кого? – спросил мальчик.

– Во врага.

– Кто такой враг?

– У каждого свой. – пояснил второй торговец.

– Нет! – Розовощёкий покачал головой. – Это борьба за нефть. За влияние на рынке.

– Надо поторопиться. – присоединился к разговору третий. Его звали Васо.

– У нас слишком много поклажи! – сказал Розовощёкий. Надо снять часть товара с горбов верблюдов. На обратном пути мы снова погрузим этот товар и вернём его на место. Иначе потеряем всё!

– Это невозможно! – Васо дёрнулся всем телом. – Где гарантия, что выгруженный товар не будет расхищен?

– А где гарантия, что нас не убьют, если мы будем двигаться со скоростью пять километров в час? – Второй торговец поправил тюрбан. – Надо спасти хотя бы часть товара и выжить самим.

– Не спорьте! – Четвёртый (он был, видимо, старшим) грозно повёл бровями. – Ничего разгружать не станем. Скоро стемнеет. Мы остановимся на ночлег. Темнота скроет наши следы.

И вправду солнце стало медленно скатываться за горизонт.

...Глагольная рифма – устаревшая форма стихосложения. Ею пользуются в основном графоманы и стихотворцы, не имеющие опыта выразить свои мысли. Глагольная рифма – это коревая краснуха, это детская беспомощность. Глагольная рифма, так предсказуема и скучна, словно спившийся деревенский плясун, которого уже давно никто не приглашает на свадьбу, но он всё равно, нахлобучивает картуз и тащится по задворкам, дабы пропустить пару стаканчиков браги.

Хорошо, если этого плясуна приглашает к застолью начинающий поэт, он протягивает ему малосольный огурчик, квашеной капусточки. Скорбно, если плясун попадает на пир так называемого члена Союза писателей, тут совсем беда. Погост. Горе горькое, косоворотное. Да как начинает этот член Союза писателей плясуна на сцену звать, потчевать борщом вчерашним, творожком прокишшим, хлебушком зачерствелым, а плясун еле-еле проглатывает кислые кусочки, не дожевав, морщится, но деваться некуда – люди смотрят, зрелищ желают.

Довелось мне как-то на такой концерт попасть да ещё на первый ряд, да ещё в «Юпитер», то-то я настрадаюсь! Гляжу – люди, которые поумнее, встают, домой разбегаются, не догнать! А я сижу, словно приросла, думаю, досмотрю, чем закончится. И самое обидное, что бездарь плясуна не отпускает, всё новые яства подносит: ешь, мол, пока не очуришься! А плясун-то один, разъединственный, картузишко у него в пятнышках маслянистых, от времени обветшалая рубашка-косоворотка на нём, а бородка клиншком. Плясуна беречь надо, холить, лелеять, иначе как же? Процесс остановится, читать настоящие стихи никто не станет. Не дозрели ещё те, самые преданные, те самые напитанные душевным пониманием – что подлинное, а что нет. Была бы моя воля, я бы истинное стихотворение приравняла к драгоценному металлу, а то и вовсе к самоцвету. Под стекло бы черновичок положила бронированное. А плясуна бы рядом не подпустила, если что – ружьё бы нацелила, поди отсюда!

Например, есть эксперты, которые определяют поддельная картина или нет! Есть специальные лаборатории, есть наученные люди, они бы и оценивали – кто ты, талант или нет! А то нам приходится по углам шептаться, мол, этот графоман задолбал уже! И причём, чем менее способный автор, тем более он навязчивый. Уж я и так и эдак увёртываюсь, глазки прикрываю, ладонью загораживаюсь, а он прёт, как танк, норовя пересечь дорогу Великому Шёлковому пути. Кто расколол нашу Нижегородскую писательскую организацию? Зачем понадобилось подпустить плясуна, напоить его так, что желудок у бедного скрутило, лёгкие задымило, сердце его нехитрое обаяло? И отчего мы, такие бойкие, такие опытные, такие хитрые и ушлые не воспрепятствовали расколу? А ведь нам ещё идти и идти по медленному, зыбкому песчаному бездорожью, жить да жить, спасать то, что осталось – лёгкое верблюжье детское одеяльце. У нас ноша, ого-го какая: мёд в жбанах, орехи в сахаре, тонкострунные руновые ковры, платки узорчатые, шелка пёстрые, нарядные, neverоятной красоты. Мы ищем Знак равенства! Наши наивные души – чисты. Помыслы благодны. Мы дарим добро.

Оттого, наверно, получили зло. Как в Библии, в Ветхом Завете. Мы предали саму идею Великому Шёлковому пути, саму её матрицу, основу, и теперь делаем вид, что движемся. Но на самом деле – верблюды привязаны, погонщик спит, а торговцы товар прячут в ущелье, которое им попало на пути. Тюк за тюком тащат, пока не рассвело, пока ещё можно сберечь то самое, о котором я только что говорила – детское, пуховое верблюжье одеяльце.

Нас было двадцать восемь. Их двадцать семь. Мы все тоже отправились в путь. Мы не знали, что впереди – караван, состоящий из сорока верблюдов, трёх овец, собаки, мальчика-погонщика, торговцев. Мы думали, никого нет впереди, а позади лишь Максим Горький с его романами, Буревестником, фотографиями в музее, профессорами, исследовавшими творчество давно умерших писателей. Мы думали – мы вместе. Оказалось, что нет. В нас попал снаряд, метивший в идущих впереди, а мы разлетелись на куски.

Я не знала о Знаке равенства, но чувствовала – он есть! Но мы отвлеклись от его поисков, мы слишком тщеславны. Кто-то жаждет премий и наград, кто-то званий и медалей, кто-то соревнуется в количестве публикаций, я – бессребреница. Мне важно иное – чтобы свершилось, произошло, наступило, засияло, родилось стихотворение! Я чувствую, когда – оно настоящее, я слышу глухой всплеск околоплодных вод, я достаю крестильное полотенце, я целую в макушку – это пахнущее парным молоком дитя! Меня невозможно сбить с пути! С Великому Шёлковому крестного, рыцарского, звёздного, лугового, снежного, ураганного, песчаного истинного пути! И я, именно я, знаю без компаса и ветрил, где оно то самое – детское, родильное одеяльце из верблюжьей мягкой шер-

сти! Мало кто верит в наличие его, мало кто заботится о том, что сейчас нельзя, что миг не настал. Но все хотят ухватиться хотя бы за самый край.

Снаряд разрывался один за другим. Действо было похоже на смертную казнь. Нас тоже казнили! Нас раздвоили. Те, двадцать восемь должны были ненавидеть оставшихся, двадцать семь. Мы должны были уличать друг друга в бездарности. А того хуже – в плагиате, воровстве и подлоге. Это было частью Великому Шёлковому пути. Навьюченные товарами верблюды уже были напоены. Их гордые горбатые спины маячили вдали. Осталось лишь догнать уплывающий по барханам караван.

Одна из мин разорвалась совсем рядом. Её осколки ранили многих. Хотя выстрелы были условными, но всепроникающими. Разделить Союз хотели многие, но никому это не удавалось. Да и сейчас, я думаю, не удалось, мы всё равно общаемся. Те, двадцать восемь, родные, великовозрастные, угрюмые, всё равно наши! И те, двадцать семь, что против, всё равно с нами. Потому что это – от небес. О, нет, я не хвастаюсь, я это чувствую. Ибо созерцаю не только изнутри, не только сидя на спине верблюда, а словно извне, как бы со стороны. Потому что мне надо держать оборону. Некоторые вещи надо уметь забывать. Надо прощать слабым их недостатки. Раны надо уметь залечивать. И всё равно идти вперёд.

Глупо обижаться на слабые, дикие верблюжьи взгикивания. Ибо путь один, а нас много.

2.

Итак, мы не погибли. Они тоже.

Хотя стреляли уже не на шутку. Розовощёкий торговец оттолкнул мальчика-погонщика и начал снимать тяжёлые тюки с верблюжьих спин.

– Нет! – Васо схватился за ружьё. – Мы не станем прятать товар в ущелье. Верблюды немного передохнут, и мы отправимся дальше.

– А вот и станем! – Четвёртый торговец, считавший себя старшим, вынул из-за пояса меч. – Лучше проскользнём ночью, в тиши. Передохнём в другом месте. Но спасём самое ценное!

– Что ты считаешь таковым? – Усмехнулся второй торговец. – Вот эти тяжёлые, ручной работы ковры. Или орешки? Или конопляное масло? Может, вино?

– Всё ценное! – Подхватил первый торговец. – На севере ждут масло. На юге изюм. На востоке тканьё. Смысл нашего пути – доставить всё и вовремя. Иначе теряется ниточка, связующая нас с торговлей, с крикливым, насыщенным товарами восточным базаром.

– Если мы доставим только яркие, шёлковые ткани, но не привезём хурмы и ароматических масел, то нас не поймут... – кивнул в ответ второй торговец.

– Может, мы просто переждём? Не вечно же будут бомбить Багдад? Уничтожать святыни, возведённые в честь Великого Шёлкового пути! – Предложил розовощёкий.

– Нет. Мы выгрузим часть товара. Можно половину мешков с орехами, половину кувшинов с маслом, половину тканей! – Не унимался старший торговец.

– Тем более есть орехи второго сорта, более мелкий изюм и персики не первой сладости! – Сказал Розовощёкий и побледнел. Он понял – это конец.

– Как ты смеешь хаять наш товар! – Васо щёлкнул карабином. Второй подошёл сзади.

– Стоп! Васо не это имел в виду! – Старший попытался предотвратить ссору. Раздался выстрел, затем другой. Розовощёкий ухитрился и выхватил ружьё, направив его в обидчика. Васо ухватился за левый бок и начал медленно оседать на землю. Второй торговец отскочил от края пропасти, глядя, как Васо в отчаянии ухватился за слабую ветку жгучего барбариса. Старший торговец наклонился и подхватил раненого. В этот момент послышался треск разорвавшегося снаряда. Мальчик-погонщик слабо ахнул и бросился на землю, овечки в испуге прижались к нему, Зевс, взвизгнув, нырнул в ущелье.

Наутро стало ясно, что ни один из верблюдов не пострадал. Товар был на месте. Мальчик-погонщик, собака и овечки тоже были живы. Раненый Васо лежал возле края пропасти. Остальные торговцы погибли. Мальчик нашёл в одной из повозок лекарство для Васо, перевязал его глубокую, рваную рану, помог бедняжке перебраться в тень.

– Что вы натворили? Вы же взрослые! – Воскликнул мальчик. В его глазах, как в глубоких, окупёных озёрах, стояли слёзы.

– Мы – дети! – Ответил Васо. Поэты – тоже большие дети, у них нежная ранимая душа, как у младенца...

– А что делать с убитыми?

– Похоронить.

– Как?

– Очень просто. Сбросить их тела в ущелье...

– А что делать с тобой? Ты умрёшь? – Мальчик прямо-таки разрыдался.

– Когда-то все умрут. Я не знаю своего часа. Там, в мешке из бычьей кожи есть изумительное средство, им лечился мой дед, принеси пару пилюль, и я встану на ноги к вечеру...

– А сейчас что делать?

– Напой верблюдов. Затем помоги мне залезть в повозку. К полудню мы будем готовы снова отправиться в путь.

– А как же ваше нежелание – половину товаров оставить здесь, спрятав в ущелье? – Удивился мальчик.

– Думаю, что этого не надо делать! – Укладываясь на верблюжью шкуру в повозке, ответил Васо.

– Отчего?

– Оттого что больше никто не бомбит города, я не слышу воя падающих снарядов. Вот отчего.

– Значит, эти трое погибли зазя?

– Может, они и не жили? – усмехнулся Васо.

– Но я видел их, разговаривал с ними! – Мальчик подкатил к краю пропасти сначала первого, затем тело второго и старшего торговца.

– Видеть и разговаривать ещё не значит жить...

Так и в литературе – сочинённое стихотворение – это не значит, что живое. У многих ещё в самом зачатии – оно мёртво. Некоторые стихи просто лучше столкнуть в пропасть... Я видела многих сочинителей, чьи книги мертвы изначально, чьи имена забыты сразу на третьи сутки. Но графомания – это особый склад ума, это великое отсутствие дара, но огромная, всепоглощающая тяга к литературе. И вселенская зияющая пропасть. И безнадежная, чугунная, зудящая опьянённость самим собой, одержимость пустотой. И никому не нужная, горестная, полынная любовь к стихам. Умейте раскрываться. Умейте не бояться сказать о своём, в страданном, болящем, перестаньте притворяться не тем, кто вы есть. Будьте честны. И тогда – откроется... И упадут тела в пропасть, и заплачет мальчик-погонщик, хороня своих братьев. И раздастся всплеск горной реки. И запоют вспугнутые иволги: «Прощайте, прощайте... бесславные, гордые, нерождённые, приснившиеся в тутовых, сливовых снах строки!» О, о, о... Как велико наказание! Как сладостна месть! Как радостна выстрадавшая песня!

– Я сделал всё, что ты сказал, Васо! – Мальчик сел на край повозки.

– Молодец. Я тебя научу всему. Ты станешь лучшим из лучших! – воскликнул Васо.

– Значит, ты не умрёшь, хотя в тебя стреляли?

– Не всякий выстрел – смертелен. Некоторые раны нас делают сильнее. Ибо рубец – это защитный панцирь.

– То есть?

– Если ты обжётся один раз, в следующий раз будешь осторожен, принимая пищу, – пояснил Васо, отирая пот со лба.

– Тебе лучше?

– Разве мне было плохо?

– Но тебя хотели убить!

– Многие люди желают другому зла. Расставляют силки. Плетут козни. Но сами же туда попадают. Великий Шёлковый путь нескончаем. Не мы, а он владеет нами. Не мы, а он выбирает того, кто будет по нему идти.

Не мы, а он возносит лучшего. Не мы, а он прощает нам наши слабости, заставляет стать сильным, храбрым, не боящимся ничего.

– Значит, путь выбрал тебя. Поэтому ты жив?

– Ага. И, как видишь, здоров! Эге-гей! Пошли дальше! Нам надо доставить товар вовремя!

Васо обнял мальчика. Его птеньчьи рёбрышки слабо выдохнули воздух, худые ручки сомкнулись на крепкой жилистой шее друга:

– Но что мы скажем людям, когда те узнают о погибших?

– Расскажем всё, как было. Лишь утаим подробности. – Васо указал рукой мальчику на сиденье. – Устраивайся удобнее, бери в руки вожжи. И трогай.

– Зачем что-то утаивать? – Мальчик послушно сел рядом. Верблюды приоткрыли усталые глаза и тронулись в путь следом за повозкой.

– Чтобы самим потом не пострадать. – Васо ласково взглянул на мальчика. – А ты способный.

– Я не понял, о чём конкретно надо промолчать?

– Например, о том, что в меня стреляли мои же собраты... пусть все думают, что меня ранило снарядом, которым их же и убило.

– Хорошо. – Мальчик кивнул Васо. – Если так надо...

– Это просто необходимо! Я же скоро поправлюсь. Встану на ноги. А те трое останутся лежать в могиле. Зачем им худая слава? Зачем людям знать, что меня чуть не убил мой товарищ? А другой товарищ не смог меня защитить?

– Но он пытался загородить тебя своим телом! – Уточнил мальчик-погонщик, натягивая вожжи.

– Да мы скажем, что старший торговец был более отважным, что он герой. И мы будем ему вечно благодарны в душе.

– А тех двоих мы проклянём?

– Нет! Да отпусти ты вожжи. Нам незачем спешить. Наш путь от нас никуда не денется. Восточный базар – дело вечное, нескончаемое, мы успеем.

– Значит, мы простим твоих предателей?

– Да, мы будем их оплакивать даже больше, чем того, кто нам помог. Ибо предатель нуждается в большей молитве, в большем количестве слёз...

– Отчего так? – удивился мальчик.

– Оттого что он согрешил, понимая, что грешит. Предал, понимая, что предаёт. Он принёс столько страданий, что обречён.

– Я не понимаю твоих слов, Васо...

– Он безнадежно теперь в наших мыслях будет предателем, мы о нём всегда будем думать так. Оттого что будем вспоминать неприятные, горькие наши моменты, связанные с его поступком. И эти моменты затмят все те хорошие, положительные, радостные... рахат-лукумные, изюмные,

виноградные, персиковые. Я помогал им, покойным, как мог, я им приносил воду из ручья, я делился хлебом, хотя сам был голоден, отдавал им своё вино, хотя нуждался в сладости. Я предлагал им лучших женщин из своего гарема, я давал им кров, когда они мёрзли, я укрывал их одеялом, а сам дрожал под тоненькой накидкой. Я шёл пешком, а они ехали верхом на моих откормленных, отважных верблюдах.

– Отчего тогда они не пожалели тебя? – Мальчик готов был заплакать.

– Жажда наживы овладела ими. Они меня возненавидели в тот миг. Они забыли всё то хорошее, что я сделал.

– Как они могли забыть такое количество хорошего из-за одной малюсенькой жажды?

– Оттого что жадность не имеет пределов. Она огромна. Но я всё равно люблю их, предавших меня, на много больше, чем защитившего меня. Парадокс, но это так.

Ночь легла на барханы неожиданно, словно между светом и тьмой не было промежутка. Путники быстро расседлали коней, налили в несколько деревянных корыт воды, припасённой в бочках, чтобы напоить уставший караван. Сами достали лепёшек из сыра, масла, налили вина в чашки и сели на подстилки ужинать. Говорить уже больше не хотелось. Мечталось об отдыхе, сне и хорошем пути.

3.

Дальнейший путь и вправду выдался удачным. Ибо можно было предугадать, где наступит опасность, а где нет. Кого следует остерегаться, а кого не надо. С кем следует общаться, а с кем нет, кто завистлив, алчен, эгоистичен, корыстен.

Самое смешное, что я всё равно люблю всех. И не обижаюсь на их выстрелы в спину, на их нож под ребро, на нудёж, сплетни, на тесные барские замашки, на мелкие пакостные взгляды вослед. Это же так здорово ехать в повозке! Прижимать к груди тёплое тельце малыша, слушать вздохи Васо, видеть мелкое подрагивает овечьих хвостиков. И знать, что способна на всепрощение! В литературе не бывает страха. Там всё по-другому, там Великий Шёлковый путь, восхождение, познание.

Когда наши путники прошли уже половину, Васо решил, что эту ночь они проведут с мальчиком-погонщиком в трактире. Тем более, что часть товара была продана по дороге, выменяна на продукты, вино, воду. Большая половина ковров была оставлена во дворце одного богатого шейха, который щедро расплатился с путниками.

Когда верблюды прилегли с дороги во дворе трактира, Васо вымыл мальчика под импровизированным душем, сооружённым из опрокинутой бочки, сам тоже смыл со своего усталого тела пыль дорог. Оба переде-

лись в чистое бельё, которое лежало в мешке убитого розовощёкого торговца, там же Васо обнаружил два новых байковых халата.

– Надень, а то ночи холодные, как сталь, – скомандовал он мальчику-погонщику.

– Но это не наши вещи! – Мальчик и испугом посмотрел на Васо.

– Плохо воровать чужие тексты из книг. А вещи должны служить человеку. Иначе мы не дойдём до Восточного базара.

– Значит, чужое брать иногда можно? – Мальчик-погонщик послушно завязал кушак.

– Можно, но с согласия. – Кивнул головой Васо. – Например, покойники оставили этот свет, значит, своим уходом разрешили брать когда-то принадлежащие им вещи, ибо на том свете одежда не нужна. Поэтому на девятый день после смерти хозяина, обычно соседей одаривают вещами, которые когда-то принадлежали умершему. Чтобы продлить вторую жизнь.

– Отчего же нельзя присваивать чужие тексты, если хозяин этих книг умер? – Недоумённо пожав плечами, спросил мальчик. Его худые, щенячьи плечики подрагивали.

– Оттого что у книги есть душа. А у вещей нет. Вещи – это слуги. А книга она почти живая, ибо прочитав её, люди плачут и радуются, восхищаются и богатеют разумом. Книга – это друг. Авторство всегда было священо. Воровать чужие тексты и присваивать их себе – разрушать святыню.

– А есть такие писатели в мире?

– О, да...

Васо глубокомысленно замолчал. Ибо не напрасно мне был утренний звонок товарища Виктора, видимо, болело у того сердце, стыдно было за разрушение святынь. А, может, просто жареным запахло?

Это горел очаг во дворе, посетители трактира ждали ужин. И вскоре женщина, жарившая барашка на вертеле, позвала Васо и мальчика к столу:

– Кушайте, кушайте! И сына кормите, а то он вон какой худенький!

– Я не сын этого господина! – хотел возразить мальчик-погонщик, но Васо его одёрнул, шепнув на ухо:

– Ты же не книга. Тебя можно присвоить. Тем более ты мне очень по сердцу! Такой смыслённый и шустренький.

– Но я не вещь умершего! – Прищурил глазки мальчик, выбирая себе сочный, хорошо прожаренный кусочек.

– Совершенно верно. Ты рядом, потому что мы подружились, мы прошли суровые испытания. Мы стали, словно частью друг друга. Если бы у меня был сын, ему было бы столько же лет, как тебе. И я учил бы его восточной мудрости, человеколюбию. Я бы ему сказал: «О, сын мой возлюбленный, моя кровь и плоть, моё сердце, моя жаль! Моё сокровенное и дорогое, всё, чем я богат – твоё. Но умей не растратить, не потерять, не растратить эти пёстрые, розовые, бархатистые шелка, это мягкое, пыш-

ное, лунное руно. Этих умных, красивых верблюдов. Ибо мы ищем Знак Благоденствия, закутанный в тёплое верблюжье детское одеяльце. О, любимый, о бесконечно до боли в сердце дорогой мой сын!»

Но мальчик не слышал слов Васо. Он так утомился, что заснул прямо за столом. Старший друг отнёс малыша в комнату, уложив на шерстяное одеяло. А сам снова спустился во двор. Там Васо вторично присел к столу, заказав себе ещё вина.

– О, женщина, приготовившая ужин мне и моему сыну, сядь рядом, подели со мной остаток вечера.

– А ты не боишься влюбиться и остаться в этом, затерянном в мире трактире? – Женщину звали Беатриче. Она была простой кухаркой. Но Васо взял её ладонь в свои руки и поцеловал.

– Я ничего не боюсь! – Васо повалил Беатриче на диван. – Мне сладко думать о том, что я прошёл первый круг, который описал в своей комедии Данте.

– Но я неграмотна и некрасива. Мне приходится много работать, чтобы прокормить своих семерых братьев. – Женщина расстегнула лифчик.

– Я заплачу тебе за эту ночь! Я не пишу стихов, поэтому щедр с женщинами. – Васо поцеловал кухарку в шею, затем прильнул к правому соску.

Путники провели несколько недель в трактире. Васо каждую ночь щедро одаривал Беатриче не только ласками и поцелуями, но и деньгами. Мальчик-погонщик днём играл с братьями Беатриче, вечером помогал семейству готовить ужин. Когда у Васо закончились деньги, тот решил продолжить путь:

– Пора прощаться. Ты, дорогая, разбогатела, а я и мой сын превратились в бедняков. Мы, словно поменялись ролями...

– О, нет, Васо, я верну тебе все твои деньги! – Кухарка прильнула к груди возлюбленного. – Останься. Скоро наступят такие холода в горах, что вы не выберетесь! Я буду петь тебе тягучие песни, мы доживём до старости. У нас родятся дети.

– Я не могу. Нам надо идти. – Васо отстранился от Беатриче.

– Но зачем? В трактире тепло. Безопасно. Твои верблюды сыты, напоены. Сын накормлен, обут, одет. В чем смысл твоего ухода?

– Это не я ухожу. Это Великий Шёлковый путь тянет меня в изумрудную, дивную, гордую даль. Иначе прервётся его смысл, иначе остановится круговорот планет. Мы не разыщем Знак Равноденствия.

– Ты говоришь загадками. Зачем идти, если можно мысленно искать то, что хочешь. Не обязательно жить действительностью! – Кухарка снова прильнула к Васо. – Гляди, какие у меня груди, живот. Какая я вся... Я томная, нежная, жаждущая.

– Отпусти меня, Беатриче!

Васо оттолкнул женщину, позвал мальчика-погонщика, приказал братьям Беатриче проводить караван до поворота. Покидать любимую – это

тоже один из кругов ада. Покидать для дела – почёт. Великий Шёлковый путь – это призвание. Это математика и литература, это глубокий смысл и сочетание. Это строительство. Это возведение библиотек. Это умение объяснить людям смысл своего существования.

Великий Шёлковый путь ранее назывался Мраморным, Медным. Лишь в девятнадцатом веке его стали именовать Шёлковым с лёгкой руки немца по имени Рихтгофен. У этого пути кровавая история, но он был, состоялся, он велик. Я часто вижу во сне его след, словно лечу над ним, словно касаюсь рукой шершавых, упругих горбов кораблей пустыни.

У Станислава Юрьевича Куняева великолепное чувство юмора, залихватистый смех. Как-то случайно мы встретились возле метро Баррикадная и вместе шли до ИМЛИ, Куняев весело шутил.

– Неужели вы действительно плохо видите? Об этом ходят легенды.

– Светлана, хорошие стихи я вижу прекрасно. Но вот графоманию в упор видеть не желаю.

Куняев мне подарил рукопись книги, с пометками на полях, написанными его рукой. Я сделала несколько фотографий. На память. Хотя Великий Шёлковый путь беспамятен, лёгок, воздушен. Кружева требуют особого подхода, особых мыслей. Ему всё равно, что рушатся государства, что горят дома, что разрываются сердца на части. Ибо он и есть сам Данте. Он хохочет над девятью кругами. Он грозит пальчиком, посмевающим послушаться, не повиниться, не поклониться, не припасть грудью к пескам, и не заплакать от разрывающего душу крика:

– О, великий, безгрешный! Бесстрашный. И неумирающий. Мы дети твои, слуги, пасынки, падчерицы. Но всех ты награждаешь одинаково, но не все награждены. Всех одариваешь, но не все с подарком. Ты никого не забыл, но половина из нас забыты до рождения. До первой строки. До первой книги. Наши голоса могут быть услышаны лишь тогда, когда смолкнет последний гений. А он будет вещать вечно. До скончания веков! Ибо гений не рождён, поэтому он и не смертен, его выбирает время. Гения выносит на берег, выбрасывает из тонущей лодки на сушу. Во времена серебряного века все были гениями. А в наше время гениальными кажутся лишь те, кто пишет детективы. Такое стремительное, пляжное, фосфорное чтиво, оно легко и быстро поглощается разумом и тут же выплёвывается, оттого что почти ничего не остаётся в памяти, не врезается в душу. А надо, чтобы врезалось. Я помню, как в юности плакала над «Оводом», как всю ночь напролёт поглощала «Алмазы капитана Блада», как переписывала в тетрадку строчки Бориса Примерова. У поэта есть две смертельных радости – это пьянство и блуд. И каждая по-своему нужна и неотвратима. Ибо и на Великом Шёлковом пути попадаются соблазны, и путники вынуждены отклоняться от траектории, от этой нескончаемой желтопустынной бережной, воссиянной тропы-дороги. Но блуждание – это

тоже часть исканий, прозрений и открытий. Это вселенское прощение и благодарность, и воля к победе.

Признаюсь, что у меня в душе вовсе нет обид на всех участников моего Великого Шёлкового пути, на писателей-поэтов моих дней и лет. Единственная моя задача рассказать о парадоксах и нелепостях этого путешествия, когда твоя душа тянется к людям, ты жаждешь помочь, а тебе взамен – бух по белым ручкам, бах по кудрявой голове. Но ты прощаешь и вновь тянешься, стараешься, жилишься из всех твоих полуденных сил...

Сейчас, вспоминая случившееся со мной, думая о той боли, которую мне причинили, я спокойна и хладнокровна. В тот миг мне было не по себе. Даже мой друг-бард, узнав о том, что меня отчитывала чиновница из культотдела, и тот стал чураться меня:

– Света, а мне не опасно с тобой ехать на фестиваль в одной машине? Вдруг и меня публиковать перестанут?

– Выходи! – Усмехнулась я тогда, указывая на тёмную дорогу. – Погуляй по лесу.

А не опасно ли меня брать за руку? Не опасно ли мне заглядывать в глаза? Всё в нашем мире опасно. Всё – интрига и заговор, всё зависть и негатив. Кому-то больше досталось от пирога, от сладкой изюмной мякоти, кто-то больше урвал грамот и премий...

Опасно – другое! Перестать писать! Стихи, прозу, эссе, статьи! Опасно истончиться, потерять дар. Стать похожей на других. Перейти на банальщину, на вторичные сравнения, на навязшие в горле слабые строки. На глагольную рифму, будь она неладна! О, это многострадальная, голубичная, кисельная, сладкомёдная, шоколадно-солёная медноструйная поэтическая рифма. Слог. Строки, берущие за душу. Вечные открытия, когда, словно всё уже сказано, но на самом деле – не сказано ещё ничего, что пристало сказать!

Поэзия – это новизна! Это белотканье! Это нобелевская премия за гениальную строчку! Это все круги ада. Это сам Данте, указывающий путь, словно лейтенант-гаишник, останавливающий тебя на дороге, чтобы проверить документы.

– Со страховочкой как у вас, гражданочка? – А сам усмехается в длинные усы. – Что у вас в багажнике?

– Книги! Товарищ-гаишник-Данте!

– Чьи?

– Мои! Новенькие. Только что изданные – сорок пачек! Ибо я не променяла свою душу на карьеру. Ибо я всегда шла туда, куда хочу. И не предавала. Не ложилась под мужиков за публикацию. Не лезла по трупам. Не бросала подруг. Не завидовала. Не сплетничала.

– С вас штраф! – Данте вернул мне документы.

– За что?

– За превышение скорости!

– Так сколько у меня не издано ещё! Приходится торопиться! Спешить!!! И другим помогать надо. Меня везде выступать зовут-кличут! По всем уголкам моей родины – от юга до севера, с востока на запад.

– Вот вам квитанция! – Данте протянул клочок бумаги.

И вижу я – стихи, а рифма глагольная...

– Отдам деньги! – Думаю. – От глагольной рифмы можно лишь откупиться. Ибо она вездесуща, проникновенна, она безобразно сильна. Она в интернете на «стихи.ру», она в поздравительных открытках, она на станциях метро, она на вокзалах, базарах, в магазинах. Она – змеюка подколотная! Она разденет и предаст. Она готова горло перегрызть. Она – тьма-тьмушая, она рать тараканова! И слова, что, мол, у классиков везде глаголы, не успокаивают меня, не убаюкивают, не укрывают верблюжым, тёплым, мягким детским одеяльцем!

4.

Особая тема в литературе – деньги, эти тревожные, магистральные тридцать сребреников! За некую сумму можно купить членство в Союзе, публикацию. Можно купить должность, прорваться в высшие круги, даже на приём к руководству попасть. Но если ты не талантлив – никакая сумма не поможет. Ни юани, ни доллары. Талант не купишь. Он свыше. Он – результат Великого Шёлкового пути. Он – эти вьющие под грудью барханы. Эти снежные ветви. Эти безглагольные вьюги. Он либо есть, либо его нет. Он велик, многогранен, многоцветен. Талант скромнен. Талант вездесущ. Талант не требует наград и поощрений. Талант не алчен. Не хитёр. Не завистлив. Талант – это радость. Это осознание того, что на тебе огромная ответственность. Поэтому нельзя совершать необдуманные поступки. Нельзя быть легкомысленной, податливой, склонной к подкупу.

Васо с мальчиком-погонщиком торопились, скоро-скоро открытие Восточного базара. Только бы не опоздать! Успеть пригнать верблюдов к началу открытия, чтобы занять самое приличное место, на возвышении. А то, если повезёт в центре, недалеко от мечети. Надо успеть, ибо Знак равенства открывается лишь тому, кто трудолюбив. Васо уже мысленно подсчитывал прибыль от проданных товаров, он размышлял о том, как отправить обратно в свой аул, где его ждёт любимая, сладкоголосая Лейла! Мальчик – погонщик шёл рядом. Но в этот вечер он был молчалив и понур.

– Что с тобой, сын мой? – спросил Васо, тревожно кладя руку на плечо ребёнка.

– Я не смогу... я устал! – ответил мальчик-погонщик. – Я не достоин...

– Ой, да ты весь в огне! У тебя грипп или ангина! – Васо прижал ребёнка к себе. – Давай передохнём, сделаем привал.

– Ни в коем случае. Иначе мы опоздаем на открытие. И нам придётся ютиться где-нибудь с краю, куда заходят лишь малообеспеченные, неплатёжеспособные граждане!

– Ну и ладно! – Махнул рукой Васо. – Человек дороже денег! Ложись под одеяло. А я займусь верблюдами...

Шёл день за днём. Но ребенок не поправлялся. Его лоб был горячим, тело дрожало, худые птенячки рёбрышки выпячивали из-под одежды. Васо несколько раз бегал к ручью за водой, кипятил целебный отвар, добавляя в кипяток корешки шалфея. На седьмую ночь мальчик обнял Васо за шею и произнёс:

– Ты многому меня научил. Я могу различать подлость, трусость, мелкое пакостничество. Всё то, что не надо брать с собой, отправляясь в путь. Ибо Великий Шёлковый путь отторгает таких людей. Наверно, я не достоин идти с тобой рядом. Оставь меня здесь. А сам иди!

– Ни в коем случае! – Васо прижал малыша к себе. – Я вылечу, выхожу тебя. Ты поправишься. Я открою банку с мёдом, хурмой и персиками. Я натру этим витаминным снадобьем твоё тело.

– Нет! Этот товар предназначен самому хану! Не делай этого!

– Забудь! Забудь про наш путь. Восточный базар. И про всё прочее.

Васо расстелил все ковры, которые были у него в наличии, он открыл все дары, находящиеся в сосудах. Он вынул заветную баночку, предназначенную самому хану. Затем раздел мальчика-погонщика и натёр его худенькое дрожащее тельце. Затем вскипятил виноградного вина на костре и поднёс его к губам малыша.

– Мы должны быть вместе. Мы одно целое! Выпей это, как лекарство! Как привет из родного края. Как блаженное счастье. Покатай за щекой эту изумрудную сладость, затем коснись кончиком языка нёба и мысленно помолись Богу!

Васо видел, как мальчик с трудом, обессилено подносит чашу к губам, как морщась, заставляя себя, делает глоток. Тонкие струйки стекают по подбородку, белая, в пупырышках от озноба кожа на груди покрывается розовыми каплями.

Затем Васо кутает малыша в одеяло и кладёт на все ковры, которые были разложены в несколько рядов на земле. И сам устало ложится рядом. Что может быть важнее жизни дорого сердцу дитя? Неожиданно раздаётся грохот снаряда. Затем второй. Третий. Враг не дремал. Он лишь притаился. Васо накрывает своим телом ребёнка, понимая, что укрыться негде. Его последней мыслью было то, что Великий Шёлковый путь находится не снаружи, что он внутри. Внутри сердца.

Когда выглянуло солнце, мальчик-погонщик приоткрыл глаза, и о! Его взору предстала страшная, невыносимая картина: все до одного верблюда были убиты, его друг Васо тоже мёртв. Ковры дивной, редкой работы были разорваны в клочья. Все дары испорчены, изрешечены осколками снарядов. «Аме-

рикосы! Злыдни! Постарались!» – Мелькнуло у мальчика в голове. Лишь три овечки мирно паслись возле сломанной повозки. Делать было нечего, кроме как оплакать тело умершего Васо. Мальчик-погонщик завернул своего друга в самый лучший в самый дорогой ковёр, в самый шёлковый и самый дивный! Затем дотащил тело умершего до края зияющей, тёмной, водоструйной бездны и столкнул мёртвого Васо вниз. Тихонько взвыл Зевс, крутившийся рядом. Три гордых, хищных орла-крикуна взметнулись высь. Мальчик-погонщик надел свою старую одежду, взял в руки истрёпанную котомку с остатками еды, потрепал испуганную собаку за ухо и пошёл вдаль. Овечки покорно последовали за ним. Мальчик-погонщик не знал, куда идёт, либо вперёд, либо назад, либо на запад, либо на север. Ему мерещились слабые звуки песни. То казалось, что его ждёт мама. То чудилось волшебные мелодии флейты. Но когда он оглянулся, то понял, что не сделал ни шага. Оттого что, позади – мерцало всё то же ущелье с парящими под небом птицами. Мир сам двигался к мальчику навстречу. Ещё мгновение и заботливые руки Лейлы подхватили малыша. Кто-то поцеловал его макушку, кто-то поправил одеяльце. То самое – мягкое, детское, пушистое. Кто-то пропел на ухо:

– Вот он Знак Благоденствия! Ты нашёл его! Ибо ты понял, что можешь различать подлость, трусость, мелкое пакостничество. Всё то, что не надо брать с собой, отправляясь в путь. Ибо Великий Шёлковый путь отторгает таких людей.

Далее шёл список фамилий, но мальчик не запомнил их. Ибо эти имена были незначительны и ничего не обозначали. Кроме пустоты.

И наступило великое чудо – знание любви. Всепрощения. И понимания. Ибо моё сердце по-детски пугливое и ранимое не может вмещать иные чувства, кроме понимания значения своего Великого Шёлкового пути. Своего яростного Знака Равноденствия. Оттого, что с поэзией я связана не только на духовном, но и на физическом, на чисто плотском уровне. Я её ощущаю иным, седьмым чувством, иначе могу отравиться ядами глагольной рифмы. Рецепторы моего Великого Шёлкового пути настроены так, чтобы воспринимать только настоящее, а всё поддельное отвергать. И длится этот путь вечно, и не закончится он никогда, пока не погиб последний умеющий читать человек. И молось я на него, и плачу, и лобзаю землю, по которому ступал он. И возношу свою молитву во здравие его. О, нет, не думайте, я не цербер, не строгий охранник, я вообще не против глагольной рифмы. Я против её вечной жизни. Я против её устойчивой формы. Против её нелепой сущности. Её легкодоступности. Её продажности. Её бездны, её водоструйной холодности. Её стальных зубов.

Содержание

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

«По верховьям деревьев бьёт крыльями влага...».....	2
«и на невольничьем рынке Древнего Рима...».....	2
«Если в электричке...».....	3
«звук колокольчика...».....	3

НИКОЛАЙ ПЧЕЛИН

Молитва.....	4
«Пусть тебя пасет хоть и «Ми-6»...».....	4
«Блуждая по Великому оврагу...».....	5

АЛЁНА МАЛИНОВСКИХ

В конце дня.....	6
Новое имя.....	6
«Под звуки городского шума...».....	7
«В подсвеченных окнах...».....	7

ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА КИБИРЕВА

Материнские судьбы.....	8
-------------------------	---

ЕЛЕНА МИНСКАЯ

Кто такой друг?.....	25
Гора и женщина.....	26
Любить.....	26
Выбери.....	27

ЮРИЙ ПРЯДИЛОВ

Крестьянин.....	28
Мой новый век.....	29
«Час пробыёт, и я уйду...».....	30

ВАЛЕНТИНА ПОНОМАРЁВА

Подорожник.....	31
«Как хорошо у друга близкого...».....	31
«Умей прощаться и прощать...».....	32

ЛАРИСА БУХВАЛОВА

«Я волчица – в своём лесу...»	33
«И первый ангел вострубил...»	34
Дон Кихот	35
Копейка	37
Грунюшкино колечко	38

ВЛАДИМИР КОЛЧИН

«Человек человеку – волк...»	42
«Сознание лишает света дня...»	43
«И всё же...»	44
«Живи, как хочешь. Ты так и живёшь...»	44
Оптимистическое	45
«Всё в нашей власти...»	46

ТАТЬЯНА СТАФЕЕВА

«Небо синее, парк с позолотой...»	47
Жизнь	47
«Еще бы лета хоть немножко...»	48
«Свободны люди – или же рабы?..»	48
Туман	49

ОЛЕГ ПРЯНИЧНИКОВ

О чуде. Сказ.	50
--------------------	----

СВЕТЛАНА ВАСИЛЕНКО

Цыганская мадонна	81
-------------------------	----

ЮЛИЯ БЕЛОХВОСТОВА

Все дороги ведут в Рим	85
------------------------------	----

АНДРЕЙ КОРОВИН

Памяти Льва Болдова	86
по дороге в Москву	87
жизнеутверждение	87
середина лета	88
судьба водомерки	88

ЯРОСЛАВ КАУРОВ

«В пальто, поношенном несильно...»	90
«Как бесконечен этот спор...»	92
«Как сердце разорвать на части...»	92

ТАТЬЯНА ЧУРУС

«Мне бы русалкой раскосою...»	94
«Уж блудила-то я, и блуждала-то я...»	96

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА

Иерусалимская песня	97
«О, надо же!..»	98
«Так, напевчик лёгкий, ни о чём...»	99
...Печалась рифмою глагольной.Эссе.	101

Витан – напитки и сиропы нового поколения!

Как все просто!
Пьешь напиток, получаешь удовольствие и даже не задумываешься, что в это время помогаешь своему организму быть здоровым!

«Витан-1»

экстракты чабреца, мяты, мать-и-мачехи и зверобоя – на сахарном сиропе
уменьшает риск развития сердечно-сосудистых заболеваний;
улучшает состав крови;
защищает организм от высокой солнечной активности;
способствует поддержанию остроты зрения при постоянной работе на компьютере.

«Витан-2»

экстракты чабреца, коры дуба, рябины красной, концентратированный яблочный сок – на сахарном сиропе
уменьшает развитие аллергических реакций;
способствует восстановлению обезвреживающей функции печени после тяжелых заболеваний;
общеукрепляющее средство при проживании на экологически неблагоприятных территориях;
улучшает состояние сосудистой стенки у курильщиков и при заболеваниях вен;
повышает адаптацию школьников к учебному процессу.

«Витан-3»

экстракты чабреца, зверобоя, мяты – на сахарном сиропе
повышает устойчивость к инфекциям при заболевании бронхолегочной системы;
создает основу для эффективного лечения воспалительных изменений глаз;
уменьшает риск развития ишемической болезни сердца;
ускоряет процессы восстановления организма после стресса, перенесенных острых респираторно-вирусных заболеваний и гриппа.

«Витан-спорт»

экстракты чабреца, мяты, мать-и-мачехи и зверобоя – на фруктовом сиропе
свойства идентичны свойствам «Витан-1»
Рекомендуется употреблять:
гости спортивных мероприятий и особенно тем, для кого спорт – это профессия;
включать в рацион питания при прохождении комплекса программ по снижению веса;
тем, у кого нарушение углеводного обмена;
при заболевании желудочно-кишечного тракта на фоне пищевой аллергии.

«Витан-чай» («Русский чай»)

экстракты иван-чая (копрей*) – на сахарном сиропе
успокаивает нервную систему, улучшает сон;
нормализует давление;
восстанавливает слизистые оболочки;
восстанавливает силы при истощении;
устраняет головную боль;
благоприятно влияет на иммунную и эндокринную системы
* Историческая справка: Иван-чай упоминается в хрониках XII века. Как кароторый чай его посылали за границу и называли русским чаем.

«Витан-элитный»

экстракты чабреца, коры дуба, рябины красной – на сахарном сиропе
общеукрепляющее средство при проживании на экологически неблагоприятных территориях;
уменьшает симптомы различных интоксикаций;
используется в косметологических программах омоложения для уменьшения морщин.

«Витан-Аква» олимпийский

подготовленная вода, экстракты чабреца, мяты, мать-и-мачехи и зверобоя (без сахара, подсластителей и консервантов)

Достаточно одного стакана в день!
Восстановление организма в стрессовых ситуациях (система природных антиоксидантов).

Литературно-художественное издание

ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

АЛЬМАНАХ

Главный редактор: Светлана Леонтьева

Редактор: Николай Пчелин

Редколлегия: Константин Казаков,
Валентина Пономарёва, Сергей Ерохин

Верстка: Сергей Ерохин

Отпечатано в типографии «Печатный дом «Вариант».

Нижегородская область, г. Богородск

тел. (83170) 2-49-97

моб. 8-910-874-52-44

